

ПРОКЛЯТИЕ КРАСНОЙ СТЕНЫ

АЛЕКСЕЙ
ВИТАКОВ

Исторические
Приключения

Алексей Иольевич Витаков
Проклятие красной стены
Серия «Исторические приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17128860
Проклятие красной стены / Витаков А.И.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7978-0

Аннотация

Польский король Сигизмунд III умер 30 апреля 1632 года. Из-за смерти монарха Речи Посполитой Московская Русь нарушила условия Деулинского перемирия. Земский собор поддержал решение царя Михаила Федоровича, и вскоре после этого был объявлен сбор армии. Множество казаков и боярских детей оставили «южные украины», чтобы встать под знамена воеводы Шеина, сократив гарнизоны крепостей. Этим воспользовались крымские ханы и совершили стремительный набег на южные уезды Руси. Кампанию по освобождению Смоленска Москве пришлось отложить до осени. В воздухе запахло большой войной. Глава города Самуил Соколинский приказал готовиться к длительной осаде...

Содержание

Проклятие красной стены	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Витаков

Проклятие красной стены

Проклятие красной стены

Глава 1

– А ты звать-то как? – Савва линялым рукавом рясы отер с бороды капли молока.

– Тиша. А ты как?

Белобрысый отрок с пронзительно-синими глазами сидел напротив монаха, словно пытаясь заглянуть тому в рот.

– Да нет тама ниче интересного. Саввой меня звать.

– Где тама-то?

– А ты куды смотришь. В рот мой пялишься. А я и говорю: нет тама ниче интересного.

– Я на монахов когда смотрю, все думаю, что в их не так, как у обычных людей?

– Ишь ты. С чего взял-то, что у монахов не так чего-то? – Савва насмешливо вскинул брови.

– Да вот с того и взял. Давеча видел, как один лягушку уговаривал с дороги спрыгнуть. Так и говорил с ею, как с людиной: уйди, мол, девка, а то раздавят тебя ненароком.

– С лягушкой! Так с лягушкой говорить – чепуха сущая. Вот ежели я рот широко раздвину, то, паря, совсем обомлеешь. У меня в горле таракан живет, Тимофей Федорович, он так усищами шевелит, что и мне порой ажно до чертиков щекотно.

– Да иди ты! Таракан у яво! – Тиша отпрянул. – А ежели таракан, то за людским столом и делать неча. Брр. Ты вот лучше скажи мне: а че ты весь покоцанный такой? Руки – словно уголья горящие месил. Да и одежонка уж больно гарью пахнет.

– А я, паря, так и есть... – Савва отвел взгляд. – У костра давеча сидел. Вдруг вижу: а из пламени смотрит на меня лицо девичье. Присмотрелся. Девичья-то лишь голова, а все остальное птичье. Я к ей руки-то протянул, а она как вцепится в меня когтями и давай в пламень тащить. Ну, насилу отбился.

Савва провел длиннопалой ладонью по черной с проседью бороде.

– Да и иди ж ты! Птица у яво!

– А у ты все одно: иди ж ты да иди ж ты! – Савва передразнил Тишу. – Ты вот мне скажи, а с батей-то твоим шибко, вижу, неладное?

Тиша понурился.

– Да помирать, кажися, будет. А-а, – парень мотнул головой. – Ты только об этом больно-то не шуми. Есть тут у нас один злодей окаянный, пан Войцеховский. Все со своим чеканом ходит, опирается на него. «Я вас, – говорит, – от вольницы-то быстро отучу! Я вас, курвы, уважать законы заставлю! Я вас, курвы, Юрьев день быстро вспоминать отучу!» Ну и все так.

– Что такое чекан? – Савва заинтересовался.

– Это, как бы тебе объяснить. Ну, палка такая по пояс в вышину, на одном конце набалдашник, на другом – молот, который с одного краю в виде молотка сапожного, а с другого – чем-то даже птичий клюв напоминает. А еще у него венгерка всегда на поясе.

– Венгерка – сабля. Это я знаю.

– Ну так вот. Приезжает как-то с неделю, поди, назад этот пан, да и давай на батю орать, почему, мол, сена мало ставишь. А батя мой объясняет нелюдю, что, дескать, пожни

окашиваю не все. Надо же по очереди. Одна отдыхает, сил набирается, чтобы гуще травы дать, другая окашивается. А на другой год наоборот: та, что отдохнула – под косу ложится. А пан проклятый, Войцеховский, орет, что много сена нужно лошадям. Где-то в европиях ихний король воюет, поэтому все должны трудиться, чтобы мы войну не проиграли.

– Ихний, говоришь? – Савва глубоко вздохнул.

– Так и есть, ихний! – Тиша перекрестился. – А наш разве? Мы по-ихнему все одно креститься не будем. Наш государь на Москве. Вот и войско собирает, говорят. А ну как перетянет по загровку-то окаянному. Будут знать! Да сколько мужиков по лесам партизанит! Все одно, не будет им здесь покоя.

– Глядишь, сам ужо при поляках на свет народился, а на русского царя молишься! Ты про батю-то дальше давай!

– А чего тама давать. Соскочил пан-иуда с коня, да батю в грудь чеканом этим и сунул. Я прямо слышал, как косточки-то провалились. Вот теперя мы с мамкой тужимся из последних, с утра до ночи на покосе да на погребке. Мати счас на дальней пожне. Тебе вот молока оставила и ушла еще до рассвета.

– Эхма, Русь-матушка! – Савва провел тыльной стороной ладони по вспотевшему лбу. – Годков-то тебе сколь стукнуло?

– Фофнадцать.

– Как? «Фофнадцать», – передразнил Савва.

Парень пропустил мимо ушей безобидную насмешку собеседника.

– Боюсь, не наставим мы сена как надо пану. Тогда он нас запродаст. Трава уже жуковать начала. Слыхано ли, в августе косить!

– Жуковать? – переспросил Савва.

– Трава сочной должна быть, тогда сено душистое. Такое скот шибко любит. А с жуковатой травы – прах один. Я счас до кур сбегаяю. Поди, обнеслись. Наших яиц попробуешь, да ступай тогда уже с Богом. Мне работать надобно.

– А коса есть лишняя? Я, парень, косить шибко люблю. У вас от, вишь, раздолье, а у нас на Холмогорье все больше лес густой, поженки маленькие. Каждая охпка на вес золота.

– Никогда золота не видел. Только говорят о ем. Холмогорье – это где ж такое?

– Это там. На севере. И Белое море там есть. Хол-лодное бывает до лютости прям. Так косу-то покажешь?

– Покажу. Чего там.

Савва и Тиша встали из-за стола. За порогом избы сиял восход. Воздух, наполненный стрекотом кузнечиков, гудением оводов и комариным писком, был до того плотен от поднявшегося удушливо-сладкого, пряного духа трав, что напоминал остывающий свежесваренный кисель, в котором все живое передвигалось вплавь, словно преодолевая незримое течение. На несколько верст вперед, до самой кромки темнеющего леса, полыхало яркими цветами, перетекало глубокими волнами высокое разнотравье.

– Ух, и сила какая! И чего людям не живется?! – Савва, прищурившись, любовался природой.

– Эт не все наше. Наше только до той вона березы, – Тиша показал пальцем на одинокое кривое дерево. – Пошли в сарай.

В сарае Савва снял со стены косу-горбушу, тронул ногтем лезвие.

– Не точена давненько. Полопатить бы.

– А мы ею уже не пользуемся. Как литовки появились, так мы только ими.

Тиша щелкнул указательным пальцем по металлу, тот радостно отозвался приглушенным звоном.

– Ишь вон, литовки какие-то! – Савва заинтересованно оглядел незнакомое орудие крестьянского труда.

– Литовку мы еще стойкой называем. Ей косить куда удобнее, сгибаться не надо.

– А сгибаться, парень, ой как полезно бывает. Больше гнешься, скорее не сломаешься.

И молитва в труде куда как шибче звучит. Дай-кошь брусок.

Савва взял из рук отрока точильный камень. Уперев косище в живот, прихватив левой рукой лезвие ближе к концу, монах резво принялся охаживать металл камнем. Вжик-вжик, – звуки сливались друг с другом, точило было невозможно уловить глазом.

– Ан, вот вишь, и изладилась! – Савва подоткнул подол рясы за веревку пояса, широко перекрестился, глядя на плоский диск утреннего солнца. – Ну, с Богом, стал-быть!

Тиша вылупил глаза на торчащие коленки, на поросшие кудряво-черным волосом ноги странного мужчины, который вчера попросился к ним на ночевку.

– Пошли давай. Показывай поженку-то свою.

– Че показывать-то? Как вышел за жерди, так и коси.

– Ну, поглядим на твою жуковатую. Эть, вишь, как тебя не обзовут только, травушка-любовушка.

Монах сухим стеблем прынул между жердей ограды и оказался в чистом поле. Постоял, щурясь на восход, и опустился на колени. Широченный взмах. Под косой зашипело, взвились из скошенной травы тучи мошек.

– Полегче вы, окаянные!

Он рассмеялся громко, залиvisto, отфыркиваясь от мошкары, точно огромный конь. И пошел медленно в глубь поля, похожий на перевозчика в лодке с одним веслом. Взмах в одну сторону, потом в другую, а лодка плывет, упрямо, не быстро, но плывет.

Тиша зачарованно смотрел, как падают вражьи зеленые рати под ударами меча витязя-исполина. Он всегда так представлял нескошенную траву, чтобы легче управиться было. Вот первый полк лежит уже, в другой нужно врубиться и победить, а третий окружить да искромсать в капусту. Так, бывало, увлечется, что и кровавых пузырей на ладошках не замечает. Но здесь Тиша увидел совсем другое. На его памяти горбушей не косили, а если и бывало, то по мелочи – скоту свежей травы охапку на вечер, не более. А тут человек к траве лицом совсем близко опускается, сливается, шепчется с ней, точно на ушко друг другу, баюкает ее, целует и просит прощения. И та его понимает и смиренно принимает все, как оно есть, по судьбе и в жизни. Пятится поле. Широкими пластами ложится справа и слева от косца. А он все идет и идет вперед, оставляя позади себя тонкую алую ниточку крови, сочащейся из голых коленей. Вот она, молитва-то, как вершиться может! И показалось Тише, что он стал свидетелем какого-то очень древнего обряда. Совсем древнего, который совершается здесь и сейчас, но был обряд этот еще задолго до его мамки и бати, до Успенского собора, что высится на городском холме, даже до соснового леса, синеющего на горизонте, разве что огромные речные валуны помнят о нем.

– Ну че раззявился? Воды, может, принесешь?

Лицо монаха сияло белозубой улыбкой.

Тиша зачерпнул ковшом из ведра и припустил по скошенной полосе. А когда приблизился, в нос ударил терпкий, сильный дух богатырского пота. Даже воздух вокруг, казалось, весь стрункой вытянулся от этого запаха, вот-вот лопнет.

– Век бы так, парень. Да лиха не знать. Ну, я еще трохи тут-ка поохочусь, да пойду по своим делам. Да ты не бойсь, пока полношко не умну, никуда не денусь.

Савва снова засмеялся открытым, вольным смехом, глядя куда-то поверх Тишиной головы.

Ближе к обеду оба сидели на крыльце и по очереди пили хлебный квас, изредка перебрасываясь словами. После многочасовой работы говорить не хотелось, а молчать как-то неловко – все ж, недавно познакомились. Но Тишу один вопрос ой как мучил.

– Да ты не мнись, парень, вижу, черт тебя за печенку крутит, – Савва скопил глаз на собеседника.

– Вот ведь у ты какая палка-то? Все в толк не возьму. Давеча, пока ты косил, я ее в руке примерил. Легкая, пружинит. А вот из какого она дерева?

– А те не говорили, что чужое брать – руку терять?!

– Говорили. Но я, вишь, до всяких там палок, чеканов и сабель уж больно охоч.

– И смышлен не дюже!

– Да ведь палка и палка себе. Чего тут такого-то?

– Не палка это, а посох!

– Ну посох. У нас все ряски с посохами ходят. Только у них обычные, суковатые. Таких в лесу на каждом шаге найти можно. А у ты какой-то не такой посох. Не скажешь, откель?

– Эх, знал бы сам – откель, то, может, че и соврал, а то и соврать чего – не знаю.

Они не заметили, как за их спинами открылась дверь хаты, и в проеме возник из темноты отец Тиши, Степан Курило.

– Эко травы страсть какую понаскашивал! – мужчина говорил слабым дрожащим голосом, в груди ходуном ходил тяжелый, булькающий хрип. – Баско повалил! Баско!

– Бать, ты чего встал? – Тиша испуганно посмотрел на отца.

– Да вот встал впоследствии на землю свою посмотреть.

Степан Курило сделал два мелких шаркающих шага и оперся на плечо сидящего на ступенях Саввы. Монах скопил взгляд на бугристую, натруженную руку хозяина дома и вспомнил... Вспомнил, как точно так же четверть века тому назад стоял на крыльце его отец, Молибог Шильников, неизвестно куда провозжая своего странного долговязого сына.

И не только это вспомнил... Спертый воздух полутемной избы. Тяжелый от его смердящего неподвижного тела. И голос младшей сестры Аленки: «Давай, Саввушка, я тебя оботру! Поудедался немного. Ну, ничего, ничего!» И она поворачивала его сухую плоть, оттирала влажной тряпкой от прилипших испражнений спину, ноги, ягодицы. Меняла подстилку, взбивала подушку и садилась в изголовье так, чтобы он не видел ее катящихся слез.

Однажды ночью отец взял его на руки и понес. Ему было хорошо, тепло и так уютно, что он не хотел задумываться: с чего вдруг отец среди ночи куда-то его несет. А когда повернул голову, увидел обрыв, тот самый, с которого открывалась необъятная ширь Белого моря. И уже было зажмурился, потому как догадался, что его ждет, но неожиданно услышал резкий крик Аленки: «Не надо!»

Отец, словно мешковину, закинул его на левое плечо и, подойдя к сестре, ударил тяжелой ладонью чуть выше уха. Аленка зашаталась, но устояла на ногах и снова закричала: «Не надо, тять!»

Отец и сам уже понял, что нельзя. Как потом смотреть в глаза дочери?! Раз не смог незаметно, теперь остынь немного. Сам себя хотел обмануть. Перед Богом с таким грузом не оправдаешься. Да как бы жил потом! Спасибо Аленке! Уберегла от греха.

Но не сразу все так было.

Было еще легконогое детство, где носились они с сестрой вокруг избы, вечно догоняя друг дружку... Грибы, ягоды, первые выходы с отцом на охоту и рыбалку, зимние короткие дни и длинные-предлинные ночи, когда сквозь мутное окно из бычьего пузыря светила ошалелая от мороза луна. И не беда, что не было соседской детворы. Соседей вообще никаких не было, потому как жили они своей семьей на дальней выселке. Отец пару раз в году ходил на лодке за солью и мукой, привозил нехитрые гостинцы и кое-что из одежды.

Но потом пришла первая беда. Жена Молибога Агафья изготавилась рожать третьего. Все ждали этого ребенка. Придумали сразу два имени: мужское и женское. Савва все свобод-

ное время вырезал игрушки из дерева для будущего малыша. Пришла повитуха из Поско-тины. Савву и Аленку выставили из избы.

Савва запомнил душераздирающие вопли матери, но крика малыша так и не дождался. Повитуха Матвеевна вполголоса говорила отцу, что чадо удавилось пуповиной, а Агаша дух испустила, не перенесла родов.

На этом детство Аленки и Саввы закончилось. Двенадцатилетняя Аленка стала выполнять по дому всю женскую работу, а Савва помогал отцу.

Еще раз в их жизни все перевернулось год спустя. С чего вдруг Савве вздумалось показать перед Аленкой свою удаль? Он встал на ходули и пошел по самому краю обрыва. Ходули же сделал высоченные, чтобы у сестры дух перехватило. Вдруг кусок земли обломился, ходуля пошла вниз. И он бы спрыгнул, уберется от падения, но сестра рванулась к нему – поддержать, а получилось, что сама и подтолкнула.

Тело Саввы полетело под уклон, билось о камни, переворачивалось, отскакивало от корней, а в самом низу ударилось о валун и едва не переломилось надвое.

И все. Ноги обездвижили. Он мог пошевелить только кончиками пальцев. Слава Богу, руки и голова уцелели. И остались ему нехитрые занятия: то лапти плести, то сети чинить. Отец места себе не находил. Надрывался от работы и нещадно страдал без женщины. А куда приведешь новую жену? Ладно бы хоть все здоровы. А когда калека в доме, найти молодую хозяйку ой как не просто, да еще на выселки с черной избой посреди тайги – мало кого такой судьбой заманишь. Вот и померк однажды рассудок у Молибога. Но спасибо Аленке. Хоть и горько, но жить дальше нужно.

Но, как говорится, где второй, там и третий.

Откуда он взялся, этот старый норвежец Бьорн? Явился в дом, когда никого не было. Точнее, был только Савва. Норвежец долго сидел возле постели больного, крутя в пальцах упругий, отполированный временем посох, а заслышав шаги за порогом, встал и пошел навстречу Молибогу. Савва хорошо запомнил их разговор.

– Отдай его мне. Мой хочет что-то передать. Время пришел, и мой должен передать.

– Он калека. Вот уже год не встает.

– Мой знает и все видель собственными глазами. Мой хорошо обещает с ним обходиться. Поверь, Молибог, мой долго искал преемника. Твой сын подходит, как никто другой. Поверь еще, он может встать на ноги.

Савва не слышал ответа отца, но был уверен, что тот согласится. Бьорна знали и уважали. Бьорна боялись. Бьорна любили. Только бы Аленка не застала. И не застала. Обошлось. И вот уже Савва лежит на двухколесной повозке, которую тащит норвежец.

Жил Бьорн на старой ладье, выброшенной штормом на берег, еще при царе Горохе. И похоже, лучшего места на земле для него не существовало. Посреди судна высился шалаш из шкур. Точнее, стенами служили борта, в которые упирался двумя крыльями шлемообразный навес. Внутри помещались лежанка, стол, до того низкий, что за ним можно было только стоять на коленях, и очаг, сложенный из речных камней там, где провалилось дно.

Норвежец, хоть и казался стариком, легко, точно агнца, закинул на плечо Савву и перенес в свое жилище. Положил лицом вниз, задрал рубаху и долго мял и давил корявыми могучими пальцами ватную спину. Парню было до того больно, что сдержат крик он даже не пытался. А Бьорн только приговаривал:

– Кричи! Кричи! Эт-то сейчас очень можно! Эт-то очень твой пом-могать!

Страшные своей силой, длинные пальцы проникали в Саввину плоть, поворачивали с хрустом кости, давили так, что у парня из глаз сыпались синие брызги. Потом Бьорн резким движением поставил больного на ноги спиной к себе, обхватил поперек туловища, прижал к груди и, приподняв над полом, несколько раз потрянул. И сказал:

– Иди. Тафай. Тафай. Иди!

И Савва пошел. Шаг, другой. На негнущихся тощих ногах. Упал, больно ударившись локтем, обдирая ладони о шершавое занозистое днище, но ревел ревмя от радости и безумного счастья. Он шел. Шел сам. И только слышал сзади:

– Тафай. Еще иди. Не хочешь больно чтобы, тогда тафай иди! Боль – эт-то хорошо. Боль – знач-чит, живой!

Прошло несколько недель после того, как Савва снова стал ходячим. О том времени, когда он лежал и смердел, вспоминать было некогда. С самого утра, перед тем, как на коленях устроиться за столом, Бьорн заставлял Савву брать валун, зажимать между ног и прыгать с ним вдоль берега добрую версту в одну сторону и обратно, а потом с тем же валуном бежать в гору, а с горы катиться кубарем, прижав камень к животу.

Отдельной странностью была еда. Питаться старый норвежец предпочитал рыбой и желательно чуть подтухшей. Для этого приходилось в любую погоду забредать в море и ставить сеть, а потом тянуть ее, отяжелевшую, цепенеющими от ветра и усилий пальцами. Улов прикапывали в ямках возле ладьи и ждали, пока рыба «дойдет». Излишки обменивали. Много раз тонкие веревки рвали ладони Саввы. Бьорн все на свете лечил рыбьим жиром и потрохами, смешивая то с морской водой, то с прибрежной землей, то с какими-нибудь травами. И раны затягивались. Скоро кожа на руках Саввы стала настолько продубленной, что хоть ножом полосуй, да без толку, до крови не доберешься.

Не то ежедневное прыганье с валуном, не то рыбий жир и морской ветер поспособствовали, но за год жизни у норвежца Савва вымахал так, что стал выше наставника на полторы головы. А ведь был, страшно вспомнить, – плевком уронишь. Бьорн смотрел на труды свои и одобрительно побрякивал, кивая седой головой. А потом настало время посоха. Но раньше Савва должен был сходить домой и попрощаться с близкими.

Что случилось за этот год с Молибогом? Об этом даже Аленка молчала. Но стал отец согбенным и дряхлым, едва передвигал ноги. И это несмотря на то, что в доме появилась молодая жена, которая была уже на сносях. «Что случилось?..» – спрашивал взглядом Савва, но все молчали, пряча глаза. В тот же день они попрощались. Точно так же, как сейчас отец Тиши, стоял его отец на крыльце, сжимая холодеющей дланью сыновье плечо.

Ах, да. Еще ведь посох!

Глава 2

...Эта великая империя, которая поглотила все империи мира, империя, из которой образовались самые большие королевства, империя, чьи законы мы и поныне чтим, а потому знать ее лучше, нежели все другие империи.

Императоры все время напоминали гражданам, что следует наслаждаться зрелищем в амфитеатре в традиционной тоге, однако многие, даже сенаторы, подчинялись этому правилу весьма неохотно и старались незаметно смешаться с толпой пуллати, низшей разновидности плебса, предпочитавшей коричневые тона. В таком виде все чувствовали себя гораздо свободнее, могли искать любых удовольствий или хотя бы спокойно поесть. Всем памятна перепалка между императором Августом и всадником, уличенным в том, что утолял жажду, облачась в тогу. В ответ на упрек Августа всадник дерзко ответил: «Ты-то, уходя позавтракать, можешь быть уверен, что твое место никто не займет!» Обычно на склонность пуллати постоянно набивать брюхо смотрели сквозь пальцы.

Сенатор и патриций Марций Апуллин ничем не отличался от других любителей повеселиться вдоволь да еще на дармовщинку. Ему не нравилось спорить, он быстро утомлялся от государственных дел и приходил в сенат, чтобы честно тихо подремать где-нибудь в уголке и восстановить силы после ночных гуляний. Правда, нередко всхрапывал так, что на него сыпались едкие шутки коллег. Дальше шуток дело не шло, поскольку сенатор слыл добродушным и безобидным человеком. В чем Марций был почти безупречен, так только в том, что всегда приходил вовремя. Никто не мог упрекнуть его за опоздания.

Но сегодня он нарушил свои правила. Оттого сильно потел и дергал тройным подбородком.

Его костюмер очень волновался и никак не мог управиться. Тога не желала правильно драпироваться. Приходилось то стягивать, то ослаблять перевязь, опоясывающую стан, несколько раз переделывать мягкую складку ткани, которая служила карманом, чтобы она выглядела как можно изящнее, выравнивать на должном уровне широкую пурпурную полосу, окаймлявшую тогу и ярко выделявшуюся на матово-белом фоне свежeverглаженной шерсти. Парадные тоги стали в последнее время огромными, нечего было и думать облачиться самостоятельно. Да еще цирюльник провозился, старый пьяница.

Поэтому сегодня Марций заметно опаздывал.

«Поединки цестиариев уже завершились, – бубнил он себе под нос, – успеть бы теперь на скачки! Иначе принцепс будет либо очень расстроен, либо очень рассержен!»

В восемнадцатый день январских календ, то есть в середине декабря, когда по воле случая родился Нерон, приносят жертвы богу корней Консупу, чей храм погребен под пьедесталом мета прима.

Вот почему так боялся опоздать сенатор Марций Апуллин. А уж совсем не прийти в День рождения принцепса на игры значило подписать себе смертный приговор.

Марций появился в амфитеатре, когда заканчивались последние поединки цестиариев. С арены уносили мертвых, искалеченных, оглушенных. Расчищали дорожки, чтобы смыть кровь, и старательно поливали их водой из больших мехов.

Марций посмотрел на Агриппу и пожал плечами: дескать, не любитель я кулачных боев, да еще с использованием цест. Агриппа кивнул в ответ, мол, поддерживаю полностью, но сам вот вынужден присутствовать. Получив одобрение авторитетного сенатора, Марций облегченно выдохнул. Но не тут-то было.

На арене вновь началась схватка. Здоровенные кулачные бойцы мордовали друг друга под хрипловатое пение флейт. На предплечьях и кистях рук атлетов красовались цесты – кожаные браслеты и перчатки, снабженные свинцовыми накладками, каждая цеста весила до девяти фунтов. Неприятные звуки долетали до сенаторских лож. Надо отдать должное атлетам: ни единого крика, ни возгласа, ни мольбы о пощаде. Они дрались, словно не слыша, как трещат челюсти и хрустят кости. Пропустивший удар цестой по зубам вынужден до конца дней своих хлебать суп. Удары, удары. Выбитые глаза, оторванные уши, мозги из пробитых черепов разлетались по арене. Ценилось в этих схватках, способных расшевелить не слишком взыскательную публику, то, что боец рисковал не только навсегда остаться калекой, но и погибнуть на потеху толпе. Поэтому такие бойцы слыли очень самоотверженными и даже безрассудными.

От зрелища, больше похожего на тупое избиение, Марция одолевала тошнота. Он снова скопился на Агриппу в надежде на сочувствие. Тот еле заметно покачал головой, что означало только одно: терпение, друг мой, на нас смотрят глаза принцепса. И Марций терпел, стараясь не глядеть вниз, где брызгами летела кровь и повсюду валялись кровавые ошметки плоти.

Но наконец курульный эдил бросил с высоты трибуны белую салфетку. На какое-то время все стихло, а потом вновь загрели барабаны, ленты пали, и четыре пароконные упряжки рванули с места. Колесницы друг за другом преодолели тенеты, расставленные для них в первом кругу. Неожиданно две колесницы столкнулись, возница вылетел из экипажа, но, к счастью для себя, успел обрезать постромки.

Вдруг над самым ухом Марций услышал голос Агриппы:

– Это очень нелегкое дело, да что там, настоящий подвиг, когда вокруг пояса у возницы постромки десятка лошадей, децемюги, да хотя бы и квадриги. Раз уж публика предпочитает квадриги, значит, велик риск смертельного исхода. Но полно, друг мой. Он ушел. Можешь катиться куда хочешь.

– Я ведь не большой любитель всего этого, – Марций благодарно закивал.

– Обещаю хранить тайну твоего исчезновения, – Агриппа поднес указательный палец к губам. – Но и тебя кое о чем попрошу.

– А именно?

– Я не люблю застолий, ты знаешь. Поэтому сегодня ночью тебе придется отужинать за двоих.

– Ты совсем не хочешь приходить?

– Нет, что ты. Просто прошу сидеть за столом рядом с тобой. Ты ведь знаешь, как он не любит, когда блюда остаются нетронутыми. Сразу начинает подозревать.

– Об этом, дорогой Агриппа, меня можно было и не просить! – Марций поднялся с места и подмигнул старому другу.

У рынка свежей зелени и фруктов, раскинувшегося возле «Галльских полениц» в начале Священной дороги, Марций наткнулся на Геркулеса, прозванного так в шутку за страшную худобу и невероятное уродство. Настоящее имя этого раба было Амитабхканьял. Он наотрез отказывался есть мясо, рыбу и даже яйца, подозрительно морщился при виде похлебки, думая, что ему попытаются подсунуть что-нибудь, противоречащее его принципам. При этом Геркулес с кротким, отсутствующим видом выполнял самые ничтожные поручения, шевелясь не больше рыбы, пригревшейся в жару на мелководе. Ноги совсем не держали беднягу и, если бы не посох, с которым он никогда не расставался, вряд ли он бы смог осилить десяток шагов. Поэтому никому не приходило в голову отнять у Геркулеса его палку, а ведь рабам строго запрещалось носить подобные предметы. Индус был тем самым исключением, которое только подчеркивало строгие правила в отношении рабского сословия.

– Ты когда-нибудь перестанешь кривляться и начнешь есть, как все люди? – спросил Марций на греческом, поскольку знал, что Геркулес говорит на этом языке довольно сносно, а вот с латынью лучше и не подходить вовсе, ибо в ответ можно получить невнятные звуки, в которых едва будет угадываться язык империи. – Так ведь можно тяжело заболеть или даже попрощаться с жизнью.

– Меня беспокоит не столько смерть, сколько рождение.

– Умрешь ты или нет – зависит от тебя, но за свое рождение ты разве можешь быть в ответе? – парировал Марций.

– Хм. Какой дикий предрассудок, – ответил Амиабхканьял на превосходной латыни.

Марций аж присел от неожиданности.

– К тому же лексикон латыни, – продолжал аскет, – очень конкретен для человека с философским складом ума.

– Не слишком ли ты откровенен со мной, Геркулес?

– Я уже давно понял, глядя на тебя, что ты принадлежишь к тому племени, которое постоянно взыскует и отдыхает умом лишь тогда, когда решает ту или иную задачу. Истина – требовательная родина, она сближает нас с очень немногими и отторгает от большинства.

– Ты слишком мало пользы извлекаешь из своего образования. Это серьезный повод усомниться в твоей мудрости.

Марций жестом пригласил собеседника на тенистую террасу питейного заведения у перекрестка, ведущего к кварталу Карин. С этого места хорошо просматривалась улица, что вела к портику Ливии, убиенной сестры, над ней была перекинута балка в форме ярма. Под этим «сестринным ярмом» Горация заставили пройти в знак смирения. А уж после этого Гораций поставил два алтаря для искупительных жертвоприношений. У Марция мелькнула странная мысль – они с Геркулесом оказались здесь неслучайно.

– Образование, говоришь... – аскет прищурился. – Я не всегда был таким, каким ты меня видишь. Более двадцати лет назад парфяне уволокли мою брентную плоть из дома благочестия, и я научился скрывать свои способности. Это очень полезная практика, когда живешь среди тех, кто пребывает в полной тьме. В юности у меня был учитель-брахман. Сам я тоже принадлежу к этой касте. Так вот, учитель как-то сказал: чтобы познать мудрость богов, нужно овладеть земным ремеслом воина. И стал учить меня, как учат всех детей кшатриев, науке войны. Это была очень нелегкая, но невероятная по своей красоте пора. С раннего утра мы приходили к стойлу Омула. Омул – это боевой слон. Я забирался на его шею и упражнялся в искусстве управления слоном. Мне казалось, что Омул очень любил мои пятки, которые все время били по его телу. Погонщики, как правило, использовали железные крючья, но учитель запретил мне даже думать об этом. Признаться, я и сам не хотел калечить животное. Но однажды Омул взбесился. Я не знаю, что с ним произошло. Он сбросил меня и едва не растоптал, он разрушил несколько строений и скрылся в лесу. Его решили убить. Но я взмолился и попросил дать Омуду и мне отсрочку. Обычно одичавшие слоны нападают на деревни, калечат, убивают. И нет от них никакого спасения. Так и вышло. Из отдаленной деревни пришли люди и сказали, что на них каждую ночь нападает слон. Они ничего не могут поделать с ним. Он настолько быстр и умен, что обходит все засады. Я сердцем почувствовал, что это мой Омуд. И вот прихожу я в ту деревню, жду первую ночь, вторую, но слон не нападает, а только чудятся мне горящие глаза в глубине лесной чащи. Почему-то ко мне пришло четкое осознание – слон не нападет, пока его хозяин здесь. Жители тоже поняли это и попросили меня пожить с ними. А и вправду, что могло быть лучше? Шудры – есть такая каста. Крестьяне. Взамен я попросил их научить меня народным видам борьбы. Они охотно согласились. Их бой соединяет в себе движения танца и те, которые они делают во время своей нелегкой работы. Пройдя ранее подготовку кшатрия, я знал чуть больше, чем они, и это позволило мне возвыситься над ними. Но все это уже не так важно. Три месяца я жил с

шудрами, а потом вдруг вернулся Омул. Огромный слон ночью неслышно подошел к дому, где я остановился, и простоял несколько часов с виновато опущенной головой. А когда я появился на крыльце, он опустился на колени, приглашая меня на свою мощную шею. Если честно, я долго не решался, поскольку страх сидел во мне разохшимся корявым пнем. Мы вернулись с Омудом в лагерь кшатриев. И вот тогда учитель подарил мне это.

Амитабхканьял повертел в руках посох.

– Он очень легкий, потому что полый. Наверно, его можно использовать в военной науке, но я решил выбрать аскезу. Поэтому мой посох служит мне лишь с одной целью. Странное дело, сколько бы нас ни разлучали, он всегда ко мне возвращается. В нем, значит, живет чья-то душа. Обещай мне, Марций, если я вдруг прерву изнурительную цепь перерождений и отправлюсь в нирвану, ты будешь хранить его, чтобы потом передать достойному.

– Обещаю, Геркулес. Где же, по-твоему, истина? – Марций сделал большой глоток.

Геркулес, никогда не пивший хмельного, омочил губы.

– Один путешественник из Индии, высадившись в Пирее, побеседовал с Сократом, который сказал: «Я хочу познать человека!». Ответ был следующим: «Если хочешь познать человеческое, для начала познай божественное!». Этот путешественник дал несколько уроков греку, поэтому философия Платона беззастенчиво заимствует многое из индийских учений. Платон, как это свойственно большинству заимствователей, изъясняется непоследовательно и бессвязно, отводя очень скромное место в своих диалогах такой фундаментальной истине, как перерождение. Существование мучительно, оно возобновляется из жизни в жизнь из-за человеческих желаний, но избавление возможно и достижимо, в свою очередь, благодаря освобождению от желаний. Что же до участи души, освобожденной после разрыва цепи мучительных и ослепляющих явлений, то мнения о ней расходятся. Брахманисты признают определенное постоянство «я» в недрах всемирной души. Буддисты же, на мой взгляд, более последовательны, давая представление о нирване, где личное сознание растворяется. Но самое главное – разорвать доводящую до безумия цепь перерождений. Потому я выбрал аскезу. Это кратчайший путь.

– А ты можешь предъявить хоть малейшее доказательство в поддержку своей теории? – Марций громко отхлебнул из кубка. – Ничего не желать, конечно, лучший способ избежать разочарований, да и сама мысль свести религию к совокупности безобидных приемов крайне изобретательна. Римляне предпочитают удовлетворять все свои желания, пусть ценой утрат или неприятностей. Если я правильно понял, ты избегаешь есть мясо для того, чтобы добиться более высокого рождения, а то и окончательно освободиться от телесных оболочек?

– Именно так.

– Во что же превращается твоя свобода?

– Обретя новое обличье, ты волен делать все, что угодно – наслаждаться жизнью или отречься от нее.

– Значит, богатые индусы имеют все основания презирать бедных. Дескать, это вы сами заслужили в прошлых жизнях.

– Поэтому нищий индус всегда являет собой образец терпения. У нас не бывает мятежей и бунтов.

– По той же самой причине ты даже не догадываешься, каким страшным оружием может быть твой посох!

Геркулес вздрогнул.

– Хорошо. Скажу так. Есть еще одно обстоятельство: желание родиться с белой кожей, с молочно-белой. У вас в Риме цвет кожи не влияет на отношение к человеку. Вы презираете лишь отсутствие образования. А мы считаем, что чернота кожи – кара за дурные поступки

в предыдущем рождении, и особенно за несправедные помыслы, ибо, по нашим верованиям, мысли важнее действий. Видишь, моя кожа черна, как деготь.

– И ты надеешься в следующей жизни родиться белокожим? Забавно. Что же это тебе даст?

– Я знал одного монаха-буддиста с белой кожей. Его все считали правой рукой Будды. Я уверен, что после жизни в образе белого человека он прервал цепь перерождений.

– А вот еще такой вопрос: прожив жизнь в Индии, в следующей ты окажешься в той же стране?

– Это совсем необязательно, – аскет вдруг задумался. – А где бы мне хотелось оказаться? Не знаю. Для многих путь к освобождению бесконечен. Тысячи лет человек то развивается и духовно растет, то снова падает, обретая самые разные обличья. Надежда достигнуть конечной цели не позволяет мне больше совершать сделки с собственной совестью.

– Путь аскета?

– Именно так.

– А не пахнет ли этот путь откровенным самоубийством?

– Самоубийство привело бы к самому катастрофическому возрождению.

– Какое убожество! Бедные индусы вынуждены отказываться от той малости, что имеют, из-за каких-то безумцев или мнимых просветленных, которые бесятся с жиру, а их отрешенность – всего лишь очередное упражнение для ума.

Геркулес пропустил мимо ушей возмущенный тон Марция.

– Будда предложил себя на обед изголодавшейся тигрице, ибо она дошла до того, что собиралась пожрать своих детей. Впрочем, мне пора, Марций. Надеюсь, мы неплохо провели время.

Аскет поднялся и слабой походкой, опираясь на посох, побрел по пыльной дороге.

– Значит, говоришь, с молочно-белой кожей... – Марций глядел вслед индусу, не замечая, как из опрокинутого кубка выбегает розовая струйка вина.

– Именно так. Именно так.

Глава 3

Слухи о том, что Москва собирается напасть на Речь Посполитую, чтобы вернуть Смоленск, всколыхнули партизанское движение в народе от Дорогобужа и Трубчевска аж до крепости Белая. Польские карательные отряды жестоко уничтожали группы вооруженных крестьян, а иногда выжигали целые селения, дабы подавить всякую волю к инакомыслию. Но крестьяне, испытав на своей шкуре звериную дикость польского владычества, предпочитали оставлять дома и бежать в лес, нежели оставаться под кнутом и чеканами панов. Беглые сколачивали шайки «лихих людей», становясь настоящим ужасом лесных дорог. Ни публичные казни, ни карательные экспедиции не могли остановить народных восстаний. Впрочем, кому – беда, а кому-то чем хуже, тем лучше – есть над чем позабавиться.

Алисия, дочь польского офицера Станислава Валука, проснулась в тот день с первыми лучами летнего солнца. Мягкая и нежная после сна, она долго прохаживалась по комнате, то и дело поглядывая на себя в зеркало. «Ну, чудо как девка хороша!» – не стеснялась она произносить вслух всякий раз, лишь завидев свое отражение. «А ежели вот так!» – когда обнажала плечо. «А так!.. О... О!» – задирая сорочку и любуясь изящной белой ножкой. Примерно через полчаса ей наскучило это занятие, и она уставилась в окно. По улице сновали редкие прохожие. По мере того как поднималось солнце, людей становилось все больше. Вот и знакомый пирожник. Она помахала ему, он в ответ кивнул и раскрыл лоток. Пирожник знал свое дело: девушки по утрам страсть как нуждаются в сладком, особенно те, у кого еще не появился свой мужчина.

Не было случая, чтобы Алисия отказалась от утреннего пирожного. Она поспешно накинула зеленый лиф, натянула одну юбку, вторую, впрыгнула в низкие ботинки и припустила по лестнице вниз.

– Пани Алисия, вы забыли свой чепец! – кричала вслед служанка. – Опозоритесь без чепца-то, пани Алисия!

Но девушка и слышать не хотела, что из-за какого-то чепца нужно возвращаться домой.

– Пан Бонифаций, мне, как всегда, мои любимые! – еще издали радостно кричала девушка пирожнику.

– Конечно, конечно, пани! Вот, ваши любимые, – он подцепил на деревянную лопатку пирожные и протянул мчащейся со всех ног пани.

– А вы слышали, пан Бонифаций, что скоро будет война?! Я страсть как люблю военных!

– Война останется войной, что бы мы о ней ни говорили. И жизнь останется жизнью, несмотря на все ветры бестолковых слов о ней, – грустно заметил пирожник.

– О, да вы поэт, пан Бонифаций! А я вот скучаю по Кракову.

– Человеку всегда легче дышится там, где он родился. Хотя рождение – это открытая рана.

– Да что с вами сегодня, пан Бонифаций?

– Я помню, как русские бились за свой город двадцать лет назад! Бились даже тогда, когда из Москвы пришел приказ сдаться! Русские хорошо воюют, пани Алисия! Будет много крови.

– Если хорошо воюют, значит, против них будут стоять лучшие из лучших Речи Посполитой, – возбужденно затараторила девушка. – Значит, я увижу самых прекрасных витязей!

– Это ли не тщеславие, пани? Жизнь скудеет в тщеславии. Радость, возникшая от покорения мнимых вершин, сродни уродству. А еще будут отравленные колодцы, забитые дохлыми кошками и собаками. Болезни, голод и ужасающие раны от осколков русских бомб.

– Ну а разве мы, поляки, плохо умеем воевать? У нас очень большое королевство! – Алисия развела руки в стороны.

– Вы, конечно, правы, дорогая пани, но русские владели обширными землями задолго до возникновения Речи Посполитой!

– Мне не нравится сегодня ваш тон, пан Бонифаций!

– Когда-то я был солдатом. Вышел на пенсию и теперь вот предпочитаю кормить пирожными по утрам очаровательных молоденьких красавиц. Но, поверьте, я знаю, о чем говорю.

– Ха-х, знает он! – фыркнула пани.

И неизвестно, в какое русло потек бы их разговор, если бы в нескольких шагах не появились двое нищих: слепой старик-гусельник и мальчик-поводырь. Старик дрожащими пальцами дергал за струны, а мальчик пел пронзительным высоким голосом.

– Видите этих двоих? – пан Бонифаций кивнул в сторону нищих. – Так вот, скоро их участь покажется вам завидной, по сравнению с тем, что принесет на своих плечах война.

Веснушчатый певец не мог оторвать глаз от пирожного в руках пани и так давился слюной, что глотал окончания слов.

– А коли так, то и нечего тогда им подавать! – Алисия заметила взгляд отрока и произнесла последнюю фразу нарочно, чтобы подразнить его.

– Если вы спросите у мусорщика, почему он копается в мусоре, он ответит, что ему нравится запах гнили, – пирожник пожал плечами. – Это всего лишь говорит об одном: Бог нас всех сделал разными!

В стороне раздался торопливый стук башмаков. Алисия повернула голову и увидела свою подружку, которая бежала по мощеной улице, подобрав широкие юбки.

– Брецлава! Ты куда так торопишься?

– Ты разве не знаешь? У Копытинской башни сегодня казнь!

– И ты поэтому летишь мимо пирожных?! – Алисия говорила с набитым ртом, удивленная отношением подруги к «святому».

– Если не поторопиться, опять не будет свободных мест возле эшафота. Придется все представление стоять на цыпочках в задних рядах.

Брецлава все же глянула с сожалением на пирожное в руках Алисии, но невероятным усилием воли подавила глупую девичью слабость.

– Э-эх, а мне тоже хочется! Я тебя догоню, но ты придержи на всякий случай местечко!

– Ладно! – убегая, крикнула Брецлава.

– Пан Бонифаций, дайте мне еще два. Нет, пожалуй, три. Я деньги верну чуть позже. Э-э, это не все мне. Вы не подумайте, пан Бонифаций!

– Я ничего такого и не подумал, – грустно улыбнулся пирожник.

Глядя на удаляющуюся Алисию, он пробормотал себе под нос:

– Безжалостная радость сродни убийству. Черствая женщина живет в извращенном мире. И, живя в нем, не понимает дерева, которое отдает плоды и ничего не получает взамен. Грустно. Очень грустно.

Казни, участвовавшие в последнее время, устраивали обычно по утрам у Копытинской башни или на площади. Знатоки утверждают, что в утренние часы легче работается палачам и у публики достаточно сил, чтобы отстоять в добром здравии всю экзекуцию. Ведь расправы длились иногда по несколько часов и завершались чуть ли не к полудню.

К Копытинской башне вели три больших мощеных дороги. Три бурлящие, ухающие реки, в которые стекались крупные ручьи и мелкие ручейки улиц, проулков, а то и просто тропинок. Посмотреть на казни преступников шел не только весь город с посадом, но и ближние деревни, и хутора с левого берега Днепра. Конечно же далеко не всех интересовала

сама казнь, одни отправлялись за новостями, другие – побывать в соборе, а кто-то – посмотреть, как изменился город, да и себя показать.

Алисия пребывала в том суетливо-трепетном возрасте, когда все интересно, до всего есть дело и всего хочется попробовать. Она на бегу закидывала в рот куски пирожного, успевала расставлять локти, чтобы не пропустить вперед особо бойких, крутить головой во все стороны, подмечая, кто во что одет и какого цвета лифы у взрослых пани, и при этом обругивать тех, кто специально или нечаянно наступал на ее невозможно-аккуратную ножку.

Она, несмотря на все сложности с пирожными, несмотря на потерю времени, все же почти нагнала Брецлаву. Та трусила в толпе ремесленников, уже без чепца.

– Брецлава! – крикнула Алисия. – Я тут. Держи место. Брец!..

От сильного удара в плечо девушка полетела на мостовую, прямо под ноги группе кожевников, которые всюду ходили в деревянных башмаках и потому их всегда было слышно за три версты. Об нее несколько раз споткнулись, один даже упал, обронив пропахший кожей смесью башмак. Перед лицом пани возникла черная от грязи подошва голой ноги. Хозяин этого богатства был молод, на ступнях еще видны были выпуклости костей и синие тонкие вены. Обычно у людей этого ремесла ноги через несколько лет работы напоминали старые необструганные столбы.

Алисия плюнула, отпихнула неприятную конечность и попыталась встать. Но ее снова уронили. На этот раз калашники. Вечно упитанные и потные, в льняных передниках, которые они, похоже, не снимали даже на ночь, эти трудяги всегда появлялись раньше всех и, в силу профессии, обо всех новостях тоже узнавали первыми. И горе тому, кто попытался бы обогнать их. Вот и сейчас они старались настичь кожевников, разметать их и ворваться на площадь.

Алисии наконец удалось подняться. Она отерла рукавом грязь с лица, поправила съехавшую на бок юбку и продолжила движение к месту казни.

Звать Брецлаву уже не было никакого смысла, и девушка отдалась на волю людского потока, больше не споря с его течением и не сожалея о растоптанных пирожных.

Неожиданно вокруг зазвучали голоса с характерным «гхэканьем». Девушка оказалась среди левобережных крестьян, которые произносили букву «г» скорее как «х». Получалась твердая грубая смесь сразу двух звуков. Мало того, левобережцы все время меняли ударение в словах, от этого их речь не всегда понимали чужестранцы, а иногда и сами русские из глубинки. Например, вместо слова «нОгу», они говорили «ногУ», или «головУ», а не «гОлову». Еще сложнее дело обстояло с глаголами, и зачастую целые предложения были понятны только им самим. Они этого не замечали, а для особо несмышленных добавляли красноречивый и остроумный язык жестов.

Но вот открылась площадь перед Копытинской башней. На второй ярус кремлевских стен, где во время военных действий выполняют свою нелегкую работу защитники города, поднялась городская знать и представители власти. Оттуда все было видно как на ладони.

Высота стен, возведенных сто лет назад прекрасным русским зодчим Федором Конем, достигала пяти человеческих ростов, по второму ярусу могла проехать телега, запряженная тройкой коней-тяжеловозов. Башни же насчитывали три, а то и четыре внутренних яруса: из бойниц первого, самого нижнего, смотрели черные пасти орудий, на втором и третьем, как правило, располагались пищальники или мушкетеры. Бойницы были повернуты таким образом, чтобы простреливалась каждая пядь пространства. И горе было противнику, оказавшемуся под перекрестным огнем.

Но далеко не всем высокородным хватило места на стене, поэтому по другую сторону эшафота построили крепкие трехэтажные лаги, сделанные из свежесрубленной сосны, – запах смолы висел в утреннем прозрачном воздухе и совсем не сочетался с тем, ради чего эти лаги были возведены.

Толпа окончательно затопила площадь, поэтому Алисии пришлось довольствоваться местом в задних рядах, и она то и дело приподнималась на цыпочки. Она посмотрела наверх и увидела среди чинно сидящих мужчин и изысканно одетых пани своего возлюбленного, Болен Новака, который был старше нее на три года, и быстро отвернулась. Ей не хотелось, чтобы Болен увидел ее в толпе простолюдинов да еще без этого чертова чепца.

Ах, как хорош был Болен в голубом атласном жупане, в белых обтягивающих кальсонах и высоких, мышинового цвета, замшевых сапогах!

Алисия заметила, что Агнешки, сестры-двойняшки Болена, нигде нет. Она никогда не посещала подобные мероприятия.

Но все испортил чудовищно отвратительный запах. Алисия обернулась. Ну, конечно, рядом с ней стоял тупо скалящийся золотарь. Короли выгребных ям никогда не отказывались от интересного зрелища. Иногда их прогоняли, и они смотрели на представление издали, но частенько золотари нагло проходили прямо в центр толпы. Тогда вокруг них образовывалось пустое пространство. Далеко не бедные, эти люди вынуждены были вести замкнутый образ жизни, который можно сравнить разве что с одиночеством заплечных дел мастеров.

Алисия испуганной курицей шарахнулась прочь от молодого золотаря, но парень, решив повеселиться, раскинул руки с растопыренными пальцами, словно желая поймать в свои объятия нежную пани.

Послышались ехидные шуточки. Потом кто-то крикнул: «Не трогай девку!». Алисия увидела чернобородого монаха, возвышавшегося над окружающими подобно огромному ворону из сказок, что рассказывала ей на сон грядущий русская служанка. Монах опирался на длинную, до самого подбородка, палку серо-красного цвета. Под тяжестью крепкого подбородка она красиво выгибалась правильной дугой и чем-то напоминала маленькую радугу, которую, вопреки всем законам, удалось пленить. Только вот не витязю, а монаху.

Оглашение приговора заняло несколько минут. Затем панцирный строй у эшафота пришел в движение, оттесняя людей. Ударили барабаны. Толпа нехотя расступилась.

– Ведут, ведут!

– Ох, не видно. Хоть бысь глазком...

– Да чаво там. Все как у всех...

– Ох, как зуб болит! Ну, сил моих нету!

– Ой, кошель резанули!

– Держи поганца! Вона-сь посквозил. Держи поганца!

По толпе пробежало легкое волнение.

– Да пуще смотреть надо за кошельком-то за своим. Стой уж, али проваливай искать добро свое, а другим не мешай.

– Да постою уж. Там невелика сумма была.

– Вот и стой, а то все пропустишь!

Четверо, скованные одной цепью, еле переставляя опухшие после пыток ноги, брели, опустив головы. Женщина, мальчик лет тринадцати и двое мужчин. Последние, как было объявлено, приходились женщине мужем и братом. Всех четверых вывели на эшафот и поставили напротив инструментов казни.

Решили начать с отрока. Взяли за локти, потащили к столбу. Тот вяло дергался в лапах палачей, похожий на тонкую ящерицу. Затрещала на теле полуистлевшая ткань и упала к ногам. Открылась костлявая, обтянутая желтоватой кожей спина с торчащим хрупким позвоночником.

Свистнула плеть. Начался отсчет ударов. Вспыхнули багровые рубцы, брызгами полетела кровь, кожа обвисла лоскутами, обнажив кости. Ровно сто.

После столба привязали к колесу. Палач дважды взмахнул утяжеленной свинцом палкой. Хруст. Душераздирающий крик. Переломаны ступни.

– И это еще не все, уважаемые жители города и наши гости! – заговорил человек в парчовом жупане алого цвета и темно-зеленом плаще. – Все вы знаете, как мы печемся о вашем благосостоянии и радеем за всех подданных королевства. Не смотрите, что перед вами совсем юное создание. Это настоящее исчадие ада! Он убивал наравне со взрослыми и, более того, съедал несчастных. В чем он и признался на допросе. Мы сохраним ему жизнь. Пусть живет и испытывает муки за свой разбойничий путь!

Палач поставил отрока на колени перед плахой, перехватил веревкой руки повыше локтей. Помощник веревками оттянул запястья. Два взмаха топора, и отсеченные кисти остались на плахе, а тело наказуемого повалилось на бок. Его подняли и бросили на телегу, возле которой наготове стоял лекарь.

Женщина получила пятьдесят плетей, потом ей вырвали язык, ноздри, отрезали одно ухо и тоже бросили на телегу.

Настал черед мужчин. Плети. По триста ударов. Раскаленными щипцами им вырвали половые органы, содрали кожу, выкололи глаза. Изуродованные до неузнаваемости тела подвергли четвертованию, разорвав несчастных лошадьми.

* * *

Примерно через полчаса после того, как все завершилось, Алисия обнаружила Брецлаву в компании двух изрядно подвыпивших рейтаров.

– Брецлава, я, во-первых, тебя потеряла, а во-вторых, у меня большая неприятность. Я бы сказала – беда.

– Ты потеряла свой чепец? – Брецлава подмигнула рейтару.

И тот включился в разговор:

– О, если бы пани потеряла пару своих юбок!

– Брецлава, ты не находишь, что этим солдатам нужны женщины более свободных нравов?!

– Что же у тебя за беда, Алисия?

– Я честно-честно несла тебе два пирожных. Но у меня их выбили и растоптали в толпе.

– Неужели действительно два? На тебя это совсем не похоже. Что ты скажешь о сегодняшнем представлении?

– Я опять толком ничего не увидела! – Алисия недовольно махнула рукой.

– А Болен? Снова не досидел до конца?

Алисия решила не отвечать на вопрос подруги, поскольку он показался ей не просто глупым, но и ехидным.

– Может, познакомимся поближе, пани? – рейтар протянул руку к Алисии, чтобы обхватить ее за талию.

Девушка отпрянула, но солдату это показалось неубедительным, и он повторил атаку.

– Да отстанешь ты! – Алисия хлопнула пухлой ладошкой рейтара по костлявому предплечью.

– Будешь знать, подруга, как выбегать из дома без чепца! – Брецлава хохотнула и прижалась большой грудью к усатому рейтару. – Пошли с нами! Я там уже была, тебе понравится!

Она махнула рукой в сторону трапезной, которая располагалась в нескольких десятках шагов в полуподвале каменного дома.

Было видно, как пани Алисия, закусив нижнюю губку, борется с собой, выбирая между трапезной с красавцами рейтарами и возвращением домой. Но за нее неожиданно решил рейтар, с которым они даже не познакомились; солдат обхватил рукой пани за талию и чуть подтолкнул вперед. А дальше ноги сами понесли Алисию по мостовой за Брецлавой и ее

кавалером. Перед глазами Алисии вздымались и ходили ходуном юбки Брецлавы, обнажая полноватые икры, радостно стучали ее башмачки, рядом с которыми шелкали по камням подошвы мужских коротких сапог. Заливистый смех подруги и ее спутника заводил Алисию, и она сама смеялась, не понимая, над чем. Смеялась и сходила с ума от какой-то дикой, полуживотной радости.

Все четверо стремительно сбежали по ступеням к дубовой с железными накладками двери, от толчка сразу четырьмя ладонями она тут же распахнулась.

Перед Алисией открылась картина, от которой она невольно съежилась. За всеми столиками пили и веселились люди, от ругани, пьяного хохота, бьющейся посуды и ломающейся мебели стоял невообразимый шум. В довершение ко всему почти ничего не было видно. В угарном полумраке висели плотные столбы сизого едкого дыма, у Алисии сразу защемило глаза. Она попятилась было, но сильная рука ухватила ее за запястье и повлекла в самую гущу кабацкой жизни.

Не успела она опомниться, как почувствовала, что сидит на коленях у «своего» рейтара.

– Как же тебя зовут, пухленок? – услышала она над самым ухом.

– Алисия. А тебя?

– Хга-ха! Друджи. Моя деревня недалеко от Варшавы.

– А я из Кракова.

– Давай я угощу тебя вином, пухленок?

– Я не знаю, что это такое!

– Хга-ха! Сейчас узнаешь. Эй, черти неповоротливые, два кубка – мне и этой пухленькой пани. Ворочайте поживее там своими задами, схизматики убогие!

Друджи так громко кричал, что Алисии пришлось ладонями заткнуть уши.

– Хга-ха. Я еще не так могу! – парень был доволен. – Показать?

– Нет-нет, не надо! Я тебе верю!

– Веришь. Хга-ха! – он отхлебнул большой глоток и осклабился. – А я ведь могу на тебе жениться!

– Ой. Я не раз слышала о том, как витязи предлагают девушкам жениться, а потом обманывают!

– Я не из таких. Давай чокнемся, пани Алисия!

Они громко стукнули кубками, и Алисия сделала первый в своей жизни глоток вина. Она поперхнулась, закашлялась и едва не уронила кубок. Глядя на это, Друджи осклабился еще шире.

Неожиданно девушка услышала знакомый голос. Она резко повернулась. За столом, держа на коленях наруганную толстую, сидел ее отец. Белые, тяжелые груди женщины были целиком выпростаны, а жесткие светло-желтые усы Станислава Валука топорщились в разные стороны.

– Ай-я-ха-ха! – хохотала женщина. – Щекотно! Кожу сдерешь мне своими усищами!

Алисия резко отвернулась.

У нее не было матери. Отец часто менял служанок. В детстве Алисия не понимала, зачем он так делает. Гораздо удобнее все время быть с одной. Но, взрослея, понемногу начала догадываться, что отец страстно любит женщин и, когда не происходит перемен на этом фронте, то серьезно страдает.

Как очень многие польские офицеры, Станислав Валука слыл влюбчивой вороной, юбочным таскуном и рыцарем с голодным до настоящей любви сердцем. Впрочем, влюбленности и пылкие любви не мешали ему одновременно получать удовольствие с легкодоступными женщинами. Как, например, сейчас.

Жена Валука умерла через месяц после родов. Оставшись вдовцом с грудной Алисией на руках, Станислав стал искать подходящую женщину. И нашел мать-одиночку, которая тоже совсем недавно разрешилась от родов. Бедная девушка, не раздумывая, согласилась поступить в дом Валука кормилицей. Вилена, так звали новую служанку, оказавшись в достойных бытовых условиях, стала расцветать на глазах, и вскоре о ее красоте пошли слухи. Как водится, нашлись злые языки, утверждавшие, будто бы Вилена метит высоко, а именно в жены Валуку, и хочет даже известить его законного ребенка, чтобы сделать своего наследником всего немалого состояния.

Мнительный, вспыльчивый, к тому же редко бывающий трезвым, польский офицер однажды ворвался в комнату Вилены и потребовал показать детей. Подержав поочередно на руках свою дочь и сына служанки, он обнаружил существенную разницу в весе, и в подпитии не сообразил, что мальчики-грудники всегда тяжелее девочек.

Он обвинил Вилену во всех смертных грехах, какие только существуют, и нет бы просто вышвырнул на улицу! Разъяренный хмельной Валук застрелил ее. Что стало с сыном Вилены, никто не знает.

Спустя несколько лет произошла другая история, исчерпавшая последние капли терпения у начальства. Валук вызвал на дуэль невиновного человека и, по слухам, изрубил того в капусту своей венгеркой. Чтобы избежать преследования по закону и мести родственников, он подал рапорт о переводе на границу Речи Посполитой. Просьба его была удовлетворена, поскольку он не раз проявлял завидное мужество на войне, да и вообще был известным рубакой. Такие вот странности встречаются в жизни: безжалостный изувер и храбрый гусар в одном человеке.

– Друджи, мне нужно в уборную. Я быстро! – не имея привычки к вину, девушка почувствовала, как ее начало мутить.

– Ты мне обещаешь?

– О, да. Я вправду быстро.

Она поднялась с места и на неверных ногах пошла к выходу. В глазах плавали круги, к горлу подступила тошнота, а во всем теле ощущалась невероятная слабость. Алисия словно продиралась сквозь винные пары, клубы дыма и удушающий перегар. Но, впрочем, ей уже все это нравилось, несмотря на появление отца, плохое самочувствие и, о боже, отсутствие на голове чепца. К черту чепец!

– А ну, стой, красавица! – перед ней вырос мужчина вдвое старше нее. – Дай я тебя приласкаю!

Алисия попыталась позвать Друджи, но не услышала своего голоса. Словно овцу, ее закинули на плечо и куда-то понесли.

Глава 4

– Дядь Бьорн, куды ты меня ведешь?

Савва шел за своим учителем по тайге, то и дело уворачиваясь от пружинящих веток, которые старый норвежец и не думал придерживать. Ветки летели навстречу Савве, словно концы разогнувшихся луков.

– Итти таффай! Зачем спрашивать? Я никого не спрашивать, когда тфой лечил! Итти таффай!

– Иди да иди. Все ему иди! – недовольно пробурчал Савва.

Вскоре тропинка вывела их на угрюмую болотину, над которой витал сладковатый запах багульника с примесью зрелого морошечного духа. Повсюду хилые кривые березки да редкие сосенки, зато невероятно высокий черничник с крупными, глазастыми ягодами и алые, похожие на долгие зарницы, кусты брусничника, а еще желтые, отяжелевшие от сока плоды морошки. Картина была манящей, величественной и вместе с тем жутковатой. В низком, набухшем небе кружил огромный ворон; после каждого его длинного, мокрого карка целое облако поблеклой листвы срывалось с той или иной березы.

Савва поймал себя на мысли, что никогда не был в этих местах, и почувствовал, как к горлу подкатила легкая тошнота.

– Не тыши шибко! Тыши тихонько. Это зловредный пар, его еще называют паром Бауги. Патаму чта Бауги все время варить ядовитый зелье.

– Бауги? – Савва переспросил без всякого любопытства, просто чтобы поддержать разговор.

– Та-та, Бауги, двоюратный брат Суттунга.

– Кто такой Суттунг?

– О-ш, Суттунг – хранитель меда Игга. Бауги уговаривал своего старшего брата дать хотя бы один глоток Бельверку, но тот не согласился...

Савва перестал слушать. Стоило только навести старого норвежца на разговор о своих богах, и тот рассказывал истории часами без остановки. Запомнить названия, имена, сюжеты Савва не мог и погружался в свои мысли, вспоминая об отце, Аленке и их большом бревенчатом доме на берегу серой, точно сталь охотничьего ножа, реки.

Коварен «пар Бауги», ох как коварен!

Фигура идущего впереди Бьорна начала расплываться и терять очертания. Вскоре и его голос стал еле уловим, как будто звучал из самой нижней части дупла трехсотлетней сосны. А самая нижняя часть, как известно каждому, находится глубоко под землей.

Тяжесть навалилась на Савву: ноги перестали слушаться, руки повисли, на плечи словно лег огромный валун. Парень брел, спотыкаясь о корни деревьев, шумно глотая воздух, пытаясь не потерять из виду старого норвежца.

Неожиданно лоб молодого человека столкнулся с чем-то твердым, и он провалился в мутный, глухой сон, в котором то истошно кричал петух, то плакала Аленка, то раздраженно с кем-то спорил отец. Еще в нем набегали и бились о берег высоченные свинцовые волны, жалобно скрипела барка и молила о пощаде одинокая старая сосна, надрывно скрипя на осатанелом ветру.

Савве показалось, что он очнулся от сильного толчка. На самом деле это была всего лишь сухая ветка, упавшая ему на грудь. Он открыл глаза. Вокруг царил густая, вязкая, как смола, ночь, освещенная полной луной и суровыми низкими звездами. Попробовал встать. Под ладонями скрипнул сухой ягель... Странно. Вроде была болотина, покрытая глубоким мягким мхом. А теперь бор?.. С первой попытки подняться не получилось, тело завалилось

на бок. Отдохнул. Со второй попытки удалось сесть. Огляделся. Ночь. Помотал головой, пытаюсь стряхнуть остатки сна. Темень. И ночь.

– Дядь Бьорн! – позвал он осторожно.

Потом чуть громче. А в третий раз – в полную силу.

Тишина. Только высоко в ветвях провыл сильный ветер и шумнула крыльями большая сова. Савва вскочил на ноги и заметался между соснами.

– Дядь Бьорн, ты где?!

В ответ – лишь новый порыв простуженного ветра да протяжный, хриплый карк ворона. Савва хлопнул по карманам: ни кремня, ни огнива, ни корки, ни сухаря. По спине забегали мурашки.

– Где я? – крикнул он и, присев на корточки, обхватил голову руками.

Горе тому, кто оказался в ночном лесу. Двойное горе, если не знаешь пути к своему жилищу.

– Где я? – он уже не кричал, а рыдал, глядя наполненными ужасом глазами в безразличное бездонное небо.

Страх лишил Савву сил, и он повалился на бок, свернувшись калачиком, закрыв лицо колючим шерстяным рукавом.

Никто не может ответить, почему один человек после приступа страха быстро засыпает, тогда как другой страдает бессонницей, лихорадкой и затмением разума. Только Господу Богу ведомы пути человеческой воли. И, если Бог желает подольше сохранить жизнь той или иной твари, то наделяет ее защитными качествами.

Савва провалился в глубокий сон, в котором стояла только лишь темная пустота. Стояла твердой, непроницаемой стеной без единой бреши, поэтому ни одно сновидение не проникло в его сознание.

Солнце поднялось высоко, когда комариный князь решил-таки разбудить молодого человека. Он долго кружил над ухом спящего, пронзительно и очень вьедливо пища. На этот писк слетелся весь гарем князя, и началась безжалостная атака на открытые участки тела. Если от князя Савва еще как-то отмахивался, не желая просыпаться, то от злобных укусов спасения не было. Отхлестав самого себя по щекам, лбу и носу, убив при этом несколько дюжин назойливых представителей насекомого племени, он сел, яростно мотая головой.

По небу тянулись грузные осенние облака, то и дело заслоняя лучи холодеющего солнца. Но не только облака закрывали свет, а еще и кроны хвойных деревьев, которые то смыкались, то размыкались над головой под порывами ветра.

«Боже мой, где я! Боже, помоги!» Савва поднялся и медленно побрел по бору, забирая немного вправо, поскольку был правой. Он долго искал глазами подходящее дерево, чтобы залезть и посмотреть вокруг. Но все они, как назло, были похожи друг на друга и мало отличались по высоте.

В приступе глухого отчаяния Савва, обдирая кожу на запястьях, вскарабкался на березу, которая, как ему показалось, была повыше. Но увидел лишь необъятное море тайги. Будущий монах долго сидел на верхушке, крепко обхватив ствол ногами и руками; ветер раскачивал дерево так, что аж дух захватывало. Береза нещадно скрипела всем своим существом, прося нежеланного гостя побыстрее убраться с нее, словно говорила: «Сейчас рухну! Костей не соберешь!». Но Савва впал в какое-то тупое оцепенение, глядя в серую даль поверх беспокойных зеленых волн. Сколько он так просидел? Он вряд ли бы и сам ответил. Солнце начало клониться к закату. Протяжно ухнул филин. Откуда-то из самых недр леса вымахнул ворон, дал круг и, каркнув несколько раз, взгромоздился на макушку ели.

«Вот тебе и веревка с ручкой!» – почему-то всплыла из глубин памяти любимая приписка отца. Он медленно стал спускаться, все еще глядя в небо над лесом. Скоро ствол стал утолщаться и можно было смело опираться ногами на ветки. Когда до земли оставалось где-

то два человеческих роста, он, наконец, отвел взгляд от набухшего будущими ливнями неба и посмотрел под ноги. И только и смог выдохнуть:

– Вот тебе и веревка с ручкой!

Между выпирающих из земли корней сидел матерый серый волчара. Шерсть на загривке вздыбилась, ледяные глаза сверкали тусклой медью.

– Вот тебе и веревка с ручкой! – еще раз повторил молодой человек, замирая на толстой ветке, словно над пропастью.

– Что ж мне с тобой делать-то, братец ты мой? Небось где-то рядом и жинка затаилась! Знаю я вашего лихоимца! Все б вам только алатырничать да честных людей обижать! А ну кшыть отсель!

Савва громко шикнул и замахнулся. Но матерого разве этим спугнешь?! Он еще покричал на зверя, но тот лишь сильнее вздыбил шерсть на загривке.

– Вот ведь окаянство какое! Ну, ладно, погоди у меня ужо! Ты эт, парень, зря такое затеял, скажу я тебе!

Савва устроился поудобнее на ветке и стал распоясываться. На севере ведь как говорят: «Могешь о хлебе, уходя, не вспомнить, но чтоб в перевязи на поясе не мене семи локтей завсегда было!». Уходили в лес, обязательно имея при себе нож и три оборота пеньковой веревки вокруг пояса. Все остальное уже по ходу. Если есть веревка и нож, то можно рогатину изготовить на рыбу или зверя, шалаш соорудить, капкан или силок изладить. Да много чего можно умелыми руками.

Сделав петлю, человек лег животом на ветку и, свесив конец веревки, стал дразнить волка. Резко оттолкнувшись от корней, так, что остались глубокие следы от когтей, тот взвился вверх. Клыки клацнули у самого запястья. Нужно сделать так, чтобы матерый поверил: вот-вот он возьмет в челюсти теплую мягкую плоть жертвы. Еще один подскок. Уже ближе. Еще. И клыки щелкнули, оставив легкие отметины на коже. Пора!

Матерый прыгнул. И оказался головой и передними лапами в кольце, которое быстро затянулось. Вместо утробного рыка раздался жалобный визг, стремительно переходящий в сдавленный хрип. Сухой треск позвоночника. И опасный, голодный зверь безвольно повис между еще такой близкой землей и уже таким близким звериным раем. Хотя кто его знает: бывает ли рай для волков? Если переносить на людские законы, то волкам, кроме ада, ничегошеньки не светит.

– Вот ты и допрыгался, дура серая! – Савва тяжело выдохнул, отпустил веревку и отер со лба капли холодного пота.

Туша волка глухо ударилась о корни березы и распласталась; из ощеренной пасти выпал набок язык, открытые глаза остекленело уставились в серое небо.

– А жинка твоя меня не тронет. Не тронет! – повторил Савва и начал спускаться.

Он быстро высвободил веревку, намотал ее на левую руку, а правой потянул нож.

– Сиди ж ты, дуреха, где сидишь! А я ужо пойду своей дорогой. А ты – к детишкам своим. Поди, ждут не дождутся!

Он говорил и внимательно искал взглядом в зарослях угольки разгоревшихся ненавистью и отчаянием глаз. И нашел.

Она стояла в непроглядном ельнике, напряженная, на согнутых лапах, брюхом почти касаясь земли, готовая к смертоносному прыжку. Савва, хоть и был молод, а точнее, совсем юн, но знал: от волков по лесу бежать, что Бога своим исподним смущать!

Он присел, подаваясь вперед всем телом, выставил левую руку, обмотанную веревкой, а правую, согнутую в локте, поднял над ухом.

Человек и зверь замерли друг напротив друга, и никто не решался атаковать. Неожиданно поднялся ветер, зашелестев лапами елей и разноцветной осенней листвой. Волчица повела головой, что-то почуяв.

– Давай, милая, разойдемся с миром!

Савва не ощущал собственного тела. Оно задеревенело настолько, что, казалось, вот-вот начнет скрипеть, подобно древесному стволу, от порывов ветра.

Наконец волчица отступила на полшага и снова застыла, проверяя: что будет делать человек. Потом еще полшага, не расслабляя ощеренной пасти.

– Иди, милая. Не нужна ты мне! Иди уже потихоньку!

И зверь как будто услышал его. А может, почуял плач своих детей, так, как могут чутать только матери.

– Вот и ладно. Ступай с Богом!

Савва выдохнул и распрямился, видя, как зверь стал пятиться. Какое-то время он еще напряженно вглядывался в густой ельник. Прислушивался, не решаясь снять с руки веревку и убрать нож. Но когда в лесу с треском рванулся глухарь, понял, что опасность миновала. Зверя он больше не интересовал.

Резко развернувшись лицом на восток, он пошел прочь от этого места. Ветки лупили его по щекам, лохматили одежду, занозили руки. Но он не чувствовал боли, потому как вспомнил, что заблудился и куда идти, не знает! И уже близится вечер, а он без крова, огня и пищи.

Неожиданно открылась старая делянка. Когда-то отсюда брали лес. Но очень давно. И брали правильно, рубили низко, а потом пни закладывали мхом, чтобы земля не выглядела уродливой. Чтобы зарастала снаружи и перебарывала изнутри. Савва приободрился. Если делянка, значит – люди. Пусть их здесь давно нет. Пусть делянка старше его отца, но – люди. Они были тут когда-то, а значит, можно прикоснуться к тому, что их окружало. И от этого сразу легче. Не так все беспросветно. Савва посмотрел на солнце, которое уже касалось макушек деревьев, и решил заночевать здесь.

Еще одна ночевка без огня – совсем беда! Но есть старое правило всех лесорубов и охотников. Молодой человек начал быстро обходить делянку, высматривая то, без чего нельзя долго просуществовать.

Обычно котому оставляют возле приметной сосны. Так и есть. На корявом толстом суке висел небольшой мешок. Точнее, то, что от него осталось. Прошло слишком много времени с тех пор, как отсюда ушли люди. Ткань котомы почти истлела, и содержимое, годное в пищу, давным-давно досталось зверю и птице. Днище мешка зияло черной дырой, горловина, перехваченная тесьмой, того и гляди, рассыплется в прах. Еда, конечно, очень важна, но еще важнее другое. Савва опустил на колени и стал судорожно ощупывать мох, который причудливым ковром покрывал всю поляну. Ему всегда казалось, что именно так и выглядит вся земля, покоящаяся на трех китах, пред очами Бога, что сидит где-то на высоком облаке.

Чем ищешь, тем и находишь, как говорится. Колено почувствовало что-то твердое. Савва приподнял мох и увидел то, что искал. Огниво. Закат еще держался, хоть и из последних сил. К первой звездочке у Саввы затрещал огонек, поигрывая опавшими сухими веточками. Он быстро наломал дров, натянул веревку между двух сосенок, чтобы от нее повести навес, который должен послужить защитой со спины. На ходу, не отвлекаясь от работы, он набивал рот брусникой и черникой, пока не замутило, поскольку нельзя есть так много ягод натошак.

Тут он вспомнил об убитом волке. Все ж мясо! Сделал несколько шагов, освещая путь горячей веткой, но передумал. Темень спустилась резко, как это всегда бывает осенью в тайге. «Потерплю уж! Ишь, вон как бывает-то, парень!» Нарезал лапника, стараясь далеко не отходить от света, выгреб из костра угли и золу, рассыпал под навесом и накрыл лапником. Получилась вполне теплая постель.

В животе неистово бурчал дракон, недовольный ужином из одних ягод. Под сердцем шевелился мохнатый зверек страха. Перед закрытыми глазами проносились жуткие виде-

ния, в которых огромная, в полнеба, черная птица била крылами, держа в изогнутом клюве его отца. Отец что-то кричал. Но слов не слышно. Видна только черная яма распахнутого в беззвучном вопле рта. Еще руки, безвольно повисшие, словно ветви плакучей ивы над речкой.

Между явью и сном – только промельк. А в нем порой столько, что и за всю жизнь не придумаешь.

Проснулся от того, что мелкий, но назойливый дождь всюду лупил по навесу, бесстыдно проникая сквозь бреши, да и просто залетая пригоршнями внутрь одностенного жилища.

– Ну, поганец! Чтоб тебя! – ругался Савва, пытаясь отмахнуться от капель, как от мух.

Не хотелось вставать. Но когда-то отец научил его не поддаваться соблазну ничего не делать, если оказался один на один с силами леса. «Как бы тебя ни крючило, как бы ни клонило в дрему, оттого что ослабел, всегда вставай. Гони кровь по жилам! Вовремя не встанешь – уснешь навеки!»

Напомнил о себе голод. «И то дело!» – Савва улыбнулся, хлопнув себя по животу. Он вспомнил про убитого волка. Мясо еще должно быть годным, поскольку ночи холодные, а дневное солнце не жаркое. Наново запалив костер, он сразу подбросил дров побольше, чтобы горели впрок, и направился в ту сторону, как ему казалось, откуда вчера пришел на делянку.

Но, прокружив больше часа, он снова вернулся к тому же месту. И слава богу. Могло быть и хуже. Присел на корточки, чтобы нарвать ягод и хоть как-то подкрепиться. Но от одного их вида в животе так забулькало, что пришлось сразу оставить эту затею.

Сиди не сиди, а помощи ждать неоткуда. Он снова поднялся на ноги, прищурившись, посмотрел на солнце, стараясь сориентироваться, и пошел, строго в локоть забирая левее, чтобы вновь не сделать бесполезный круг. Но уж коли есть в тайге сущность по имени Кружалло, то в тот день она оказалась именно в том месте. Савва много раз слышал от бывалых людей, да и от отца: ежели Кружалло кого извести вздумает, то подобру не отцепится.

Битых четыре часа он ходил по лесу, шатаясь от голода и усталости, пока вновь не очутился на той же самой делянке. «Да чтоб тебя, окаянная! Откель ты на мою голову?!» Вконец обессиленный, он уселся возле прогоревшего костра и уронил голову на грудь.

За слабостью быстро приходит сон. Его сморило раньше, чем солнце начало опускаться за верхушки деревьев. Несколько раз налетал мелкий, но противный до тошноты дождик. Савва вздрагивал, просыпался, вновь проваливался в дрему, но ненадолго, поскольку страх полностью овладел всем его существом и не давал спать.

– Так, бес меня задери, если делянка, значит, должна быть где-то рядом река! Но почему я никак не могу на нее выйти?! Кружалло, да отпусти ж ты меня, кривая твоя нога...

Действительно, говорят, Кружалло – это что-то среднее между дедом и березовым пнем. Вместо ног у него два корявых корня, правый сильно меньше левого. Но врут те, кто видел. Почему именно правый меньше, – а может, левый? Тьфу ты, да какая разница? Кружит по кругу, от того что все время в ту или иную сторону его тянет. Вот и все тут. А разгадать бы впрямь: какая нога-то? Может, и выбраться можно будет?

В который уже раз за прошедшие сутки он заставил себя встать и развести огонь. Размазывая по грязным щекам слезы, вновь обустроил лежанку для ночлега и уплотнил навес, твердо решив, что завтра пойдет искать реку.

Во сне одурело разевал клюв красный петух, но звука опять не было слышно. И почему-то Савва твердо знал: этот петух – вовсе и не петух никакой, а самый что ни на есть загробный пламень, который вылетел из трещины в земле и хочет его клонуть, а потом утащить в подземелье. Он закрывался руками, отбрыкивался, прогонял его криком, но тот только увеличивался, становясь выше самых больших сосен и елей. Несмотря на то, что сон

был совсем как явь, Савва понимал, что спит. И силился проснуться. Со стоном. С хрипом. «Ы-ы-ы!..» Удалось.

Кругом все та же ночь. Нет, не совсем та же: дождь куда-то наконец запропастился, пошел по бабам, да и ляд бы с ним. В небе похвалялась телесами полная луна. А такой всяко надо светить, а то с ума сойдет, ежели в глаза бросаться не будет. «Тьфу на тя! Расшеперилась, бесстыжая!» Савва погрозил зачем-то луне кулаком и отвернулся, уставясь в темноту. Но и темень строила рожи в мохнатом ельнике, кривлялась и ухала... «А-а-а! Чтоб лешаки вас всех в копли!..» Дотянувшись до сучьев, он подбросил их в костер и уткнулся в согнутые колени, чтобы не видеть и не слышать обступившей его со всех сторон ночи.

До утра уже не спал, сидел, сцепив зубы. Только начало светать – подхватился, сделал по несколько шагов в разные стороны, пытаюсь определиться с направлением. Влез на сосну, которая сохранила для него остатки котомы и огниво. По верхушкам деревьев увидел, что прямо от солнца, к закату, лес как бы проседает и становится гуще. Это признак либо воды, либо оврага. Уже слезая, не в силах дожидаться безопасной высоты, позабыв об осторожности, спрыгнул. И сильно потянул ногу. «Твою ж разьети!..» Покатался по сырой земле, да не в присказку «сырой», а самой что ни на есть, осенней. Повыл, поскулил, поревел ревмя да и поковылял, еле ступая на калечную ногу.

Там, куда он шел, и впрямь оказалась река. Узкая, мелкая и страсть какая холодная, словно где-то недалеко лежала большая льдина. «Счас я, счас! Только дух чуть переведу!» – уговаривал он сам себя, потирая больную ногу, но глазами уже выцеливал каждый камень на дне речушки, прикидывая, где может стоять рыба. Чему-чему, а этому его отец обучил. Да и не только этому. Силки ставить, ямы волчьи рыть и даже медведя из берлоги поднимать. Но последнее только рассказывал. Отец никогда не брал с собой сына, когда шел на Хозяина.

«А-а-а! Люто ты ж холодна, красавица! Ну, я ничего тут-ка сильно не нарушу! Я побыстрому, красавица! Ты ж меня знаешь, я свой, порты с дырой, да свисток на пузе!» Он закатал штаны выше колен. Собственные ноги поразили – неужели можно так исхудать за столь короткое время? Можно. Если б только голод! От одного голода пользы больше, чем вреда, а вот когда страх высасывает, тогда худо дело. Кости голеней стали сильно выпирать, а икры опали и выглядели маленькими, пожелтевшими, дряблыми.

Разделся по пояс. Исподней приготовился ловить, а кацавею натянул на голое тело. «А ну, не колодь меня, холодна-водица! Стань мне матушкой иль сестрицей! Я пужну только сверху, не на потеху, не на забаву...» Но дальше забыл, как присказка сказывается. Растянул исподнюю между двух камней, сам забрел вверх по течению и шумно хлопнул ладонями по воде.

И глазом трижды не сморгнул, а в рубахе уже дыбятся два бойких хариуса. Выхватил одного за другим. Перед тем как швырнуть на землю, переломил хребты – это чтоб не сбегали, значит! Поймал еще трех. Двух туда же, а последнему вырвал башку с корнем, и в рот. Эвона, сладко-то как бывает! Не успел выйти из воды, а от хариуса ни рожек, ни ножек, лишь кровь по подбородку медленной струйкой бежит.

– С чем пожаловал, мил человек?

Савва аж вздрогнул от неожиданности. Глянул вверх. На берегу стоял старик в длинной черной одежде. О таких что-то говорил отец, называя их старцами-иноками.

– Выходи уж из воды-то, дура стоеросовая! Выхаживай тебя опосля! Студенец – весел молодец! И ночь не переспишь, на тот свет угодишь!

– Здрась, дя-д-денька!

– Вылазь, говорю. Че рот распахнул? Кабы щами из яго пахло, а то не пойми какой опариной!

– Счас я, дя-д-денька! Я тут-ка заблудился. А не ел ниче, уж поди, и сам не знаю, сколь. Я быстро. Кто ж знал, что в чужое-то угодил! – Савва тараторил, пляясь на старика

вытаращенными глазами, как на упавшую с неба еловую шишку. – Я вот только в толк-то совсем не возьму: как я тут-ка оказался!

– Да вылезешь ты али нет, из воды, рожа твоя дуриная!

– Во-во, рожа дуриная, мозги куриные и коленки в кучку!

– Ну, коль шуткаешь, значит, не для сраму народился!

– А для чего? Чтоб по лесу безголовой курой бегать?

– Хм, – старик почесал затылок. – Привяжи обремененную ладью твою к кораблю отцов твоих, и они управят тебя к Иисусу, могущему даровать тебе смирение и силу, разум, венец и веселие.

И только сейчас, после этих слов, Савва заметил, что неизвестный старик опирается на посох. Тот самый, с которым не расставался норвежец Бьорн.

– Так это...

Савва показал рукой на посох, но договорить не смог. В глазах поплыли круги, и он провалился в долгую, непроглядную и такую спокойную темень. И велик был его сон, сквозь который пробивалось настойчиво и близко, прямо над ухом: «Кто отнимет путеводителя у слепца, пастыря у паствы, проводника у заблудившегося, отца у младенца, врача у больного, кормчего у корабля, тот всех их подвергает опасности погибнуть; а, кто без помощи наставника вступит в борьбу с духами злобы, тот бывает ими умерщвлен».

Или же: «Послушание есть совершенное отречение от своей души, действиями телесными показуемое, или, наоборот, послушание есть умерщвление членов телесных при живом уме. Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытства, беспечалие в бедах, не уготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих».

«Кто посвятил себя Богу и всю печаль свою возвергнет на Него и на духовного отца своего, так что по истинному послушанию перестанет уже жить своею жизнью и творить волю свою, умрет для всякого пристрастия мирского и для тела своего. Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения. Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни в мнимо-худом, ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его».

Глава 5

Алисия брела почти на ощупь, поскольку фонари, из-за экономии масла, горели не везде и очень тускло. Город начинал готовиться к войне. Все реже и реже встречались на ночных улицах стайки веселой молодежи с факелами в руках. Все чаще – хмельная солдатня, маркитанты и шлюхи всех мастей.

Девушка сильно хромала, но отказывалась замечать, что одна нога у нее босая. В спутанных, всклокоченных волосах – солома, репей и капли дешевого, дурно пахнущего вина, коим в питейных заведениях потчевали служилых багровые от постоянного пьянства хозяева.

Неизвестно, чем бы все закончилось для Алисии, если бы не невесть откуда взявшийся монах со своей ужасающей палкой, которой он орудовал так, что все, попавшие под горячую руку, разлетались, точно щепки, в разные стороны. Ее, Алисию, уже падающую во мрак греха и распада души, в прямом смысле выдернула за волосы сильная костистая рука, встряхнула и шлепнула по затылку. И этот голос – темный на цвет и бархатный на ощупь. Ей и вправду показалось, что она смогла потрогать голос своего избавителя.

Алисия в тот вечер потеряла девственность.

Впрочем, кого и чего ей бояться? Отцу наплевать не только на нее, но и на самого себя. Служанку она сможет поставить на место, если та хоть глянуть неодобрительно посмеет. Ее беспокоило только одно: не дай Бог забеременеть. Так глупо. С первого раза. Это невозможно. Невозможно. Она заламывала руки, обращаясь к небесам. Она так молода и очень хочет еще любви, и не с одним, а с десятками, сотнями сильных, одетых в военную форму мужчин. Она хочет их всех. И они все должны хотеть ее. Поэтому никакой беременности. Никакой. «Пресвятая Дева Мария, ты видишь мои страдания! Помоги мне!» Но только тот, кто хочет рассмешить Бога, рассказывает ему о своих планах!

Спустя полтора месяца Алисия и Брецлава покупали свои любимые пирожные у пана Бонифация.

– Как поживают прекрасные пани? – пирожник вяло улыбался уголком рта.

– Спасибо! Радует жизнь! – Брецлава запихнула в рот огромный кусок. – А как поживает досточтимый пан?

– Пану, увы, очень грустно. Мирная жизнь кончилась. Жди больших неприятностей.

– Вы все еще боитесь войны? – Брецлава брезгливо сморщила нос.

– Мы всегда видим одно и то же: слабость побеждает силу. Если дитя разозлит великана, то великан уничтожит дитя. Но дитя играет в другие игры, не его дело – злить великанов. Разве не так?

– Ох, пан Бонифаций, вы все еще считаете нас детьми? – опять вставила Брецлава.

– Я хотел бы только одного: чтобы вас не коснулись кривые когти войны. Играйте в свои игры и будьте в радости. Но сегодня Алисия, смотрю, не очень красноречива.

– А-а. Да так. Ничего, пан Бонифаций... Я, хм, потеряла свою любимую куклу! – соврала девушка и быстро отвернулась.

– Я так и думал, пани Алисия, что вы потеряли свою любимую куклу! – снисходительно улыбнулся пирожник.

– Зря вы так, пан Бонифаций, – снова вмешалась Брецлава, – все девушки горюют, когда теряют любимые предметы своего девчества. Посмотрите на нас!

Брецлава крутанулась на каблуках, юбки взлетели.

– Еще немного, и к нам придут о-очень важные сваты!

– Самым счастливым человеком в браке был Адам. А знаете, почему? У него не было тещи!

Брецлава засмеялась, но, заметив, как потупилась подруга, умолкла.

– Алисия, да что с тобой сегодня?

– Пойдем, Брецлава! Прошу тебя! – Алисия потянула ее холодными пальцами за запястье.

– Сейчас. Война, пан Бонифаций, это всегда не только тяжело, но и прекрасно.

– Чем? – пирожник наклонил голову набок.

– Хотя бы тем, что мы будем сражаться за свободу! – вдруг с пафосом произнесла Брецлава.

– Свобода! Для некоторых это всего лишь желание быть никем! – грустно сказал пирожник, глядя на удаляющихся девушек. – Бедные дети! Они еще не понимают, что счастье – это благодатный плод жизненного уклада. Что спокойное течение жизни, которое день за днем возвращает твою душу в обычном труде, стоит гораздо больше любых потрясений.

Но девушки не слышали его. Они шли быстрым шагом от центра города к крепостной стене. Туда, где бились о кладку воды Днепра. И бликующие волны могучей реки пока еще розовели лишь от солнечного света.

Близко к воротам их не подпустила стража. Все прогулки по стене запретили. Вести о приближении московского войска были уже не просто досужими сплетнями заднепровских старух.

Девушки расположились у горелого дуба, половина которого рухнула на землю, а вторая наклонилась над папертью Успенского собора.

– Рассказывай! Что у тебя? Я же вижу, с тобой творится неладное! – Брецлава плюхнулась аппетитно полнеющим задом на поваленную лесину.

– Я была у Аиды!

– Ты ходила к ней! Зачем? О Боже! – Брецлава прикрыла рот пухлой ладошкой.

– Ты ведь все поняла. Все-е-е... – Алисия едва сдержалась, чтоб не взвыть на всю улицу.

– Да тихо ты! Успокойся. Давай по порядку.

Брецлаву нисколечко не волновало состояние подруги. Вообще сострадание она ощутила только однажды – когда сосед несколько лет тому назад при ней топил белого трехнедельного котенка. В остальных же случаях, что бы ни происходило, будь то казни, роды, торги, над всем довлело только одно – любопытство. И еще – дикое желание поучаствовать в какой-нибудь щекотливой интрижке.

– Аида сказала мне, что я... – Алисия зарыдала.

– Что ты?.. Ну же, Господи!

– Что я беременна!

– Пресвятая Богородица, Дева Мария! – Брецлава быстро перекрестилась.

– Что мне делать, Брец... – Алисия не смогла договорить из-за потока слез.

– От кого, знаешь?

– Да поди их разбери? Я даже не помню, сколько их там было!

– Это тогда? В тот вечер?

– Да. Других случаев не было. Мне там еще один монах помог. Спас! Просто вытащил меня за волосы из ямы.

– Монах! Ну и дела твои, Господи! Монахи шастают по питейным заведениям, а семнадцатилетняя девушка беременеет с первого раза от шестерых солдат!

– Брецлава, хоть ты бы пожалела!

– Из всего можно извлечь неплохую выгоду и провернуть достойную комбинацию. Ты собираешься еще к Аиде?

– А как ты думаешь? От плода как-то нужно избавляться!

- А я бы не торопилась, подруга! – Брецлава прищурила один глаз, что-то замышляя.
- Что ты имеешь в виду? Ну же, не томи, умоляю!
- Давно ли ты виделась с Боленом?
- Ах, как же я его люблю! Мы случайно встретились два дня назад на центральной площади. Он спешил по каким-то делам в администрацию.
- Он тебе нужен, Алисия! И чем быстрее, тем лучше!
- Мне-то он нужен, но нужна ли я ему? Раньше он никак не смотрел на меня, а теперь уж и подавно.
- Ты не поняла меня. Он тебе нужен, как твой, хм, понимаешь, любовник. Другими словами, тебе нужно с ним переспать. Да еще изобразить девственницу. Ну, последнее, в общем-то, несложно.
- Да ты в своем ли уме?! Эт-то как это?
- А вот так. Он должен с тобой переспать! Мужчину достаточно опить вином, а уж затащить в постель после этого – дело плевое. Когда он поймет, что имел близость с девственницей, которая к тому же забеременела от него, то вынужден будет либо жениться, либо достать денег на операцию, и вообще! А дальше можно вить из него веревки до самой старости. Поняла?
- Поняла! – Алисия закивала.
- Знаешь, где он сейчас?
- Да, он обычно в это время выгуливает собаку.
- Хорошо. Значит, все нужно проверить не сегодня, так завтра. В общем, чем быстрее, тем лучше. Значит так, хорошего вина и немного снотворного я добуду. А дальше дело в шляпе! Не грусти, подруга. Где твой отец?
- Он где-то вылавливает партизан!
- Вот и отлично! Служанку ты можешь отослать к какой-нибудь подруге, чтобы посидела у нее два-три часа?
- Да. Это совсем не сложно. Она и сама, пока отца нет, где-то часто прохлаждается.
- Они любят прохлаждаться! Но есть одно «но»! – Брецлава вскинула указательный палец.
- Что это за «но»?
- Я тоже не должна просто так стараться.
- Что же ты хочешь?
- Что все хотят, того и я желаю! Денег, конечно!
- У меня нет денег!
- Не сейчас, глупая. А когда все получится и ты станешь богатой. Вот тогда про меня не забудь! Ну что, по рукам?
- По рукам.
- Ладно. Тогда я пошла готовиться. Замысел у нас очень непростой, поэтому продумать нужно все до мелочей. Завтра, Алисия. Завтра ты будешь самой счастливой.
- Брецлава чмокнула подругу в щеку и помчалась вверх по улице, постукивая башмачками.
- Алисия еще немного посидела на упавшем стволе, размышляя о будущем. Настроение у нее заметно улучшилось. Когда последние полосы сумеречного света окончательно растворились и в небо выкатилась луна, которую, словно монету, ночь пробовала на зуб, девушка поднялась и не торопясь зашагала в гору по извилистой тропинке. Ей не хотелось идти к дому главными улицами, поскольку всюду мерещилась пьяная солдатня или осуждающие взоры горожан. Ощущение, что об изнасиловании знает весь город, не покидало ее. Город действительно знал и конечно же говорил. Но разговоры об этом деле тонули в спорах о предстоящей войне и слухах, которые просачивались из тех областей, где она уже началась.

Проходя мимо острога, где томились, ожидая своей участи, узники, Алисия увидела того самого высокого монаха. Он стоял, опершись на посох, и напряженно вглядывался в зарешеченные окна. Девушка низко наклонила голову и бесшумной тенью проскользнула в стороне, чтобы не попасть в круг света нещадно чадившего масляного фонаря.

А Москва приближалась ходко и уверенно. Уже взяли Трубчевск и Дорогобуж, пала Белая. Полки нового строя московского войска показывали чудеса храбрости, стойкости и настоящей боевой дисциплины, которая раньше у них сильно хромала. Шведские наемники тоже дрались отчаянно, отработывая жалованье. А оно было положено московским царем очень немалое. В общем, все у москвичей шло неплохо, разве что при войске отсутствовала тяжелая артиллерия. Впрочем, особой надобности в ней пока не было. Вполне обходились семью легкими мортирами. Города брали с марша, да и слово «брали» не совсем подходило. Во многих городах, узнав о приближении московского войска, люди поднимали восстания, и польские гарнизоны вынуждены были расплытаться на два фронта: гасить волнения и готовиться к встрече с регулярной армией. Ликовали в Кремлевских палатах, радовался народ, воевода Михаил Борисович Шеин уже видел у своих ног не только Смоленск, но и всю Ливонию.

Как обычно, Болен в тот злополучный вечер выгуливал своего Чака, пса благородных французских кровей, в тени вязовой аллеи неподалеку от дома. Каменное здание принадлежало когда-то смоленскому боярину. Но война распределила все по-своему. После взятия города польскими войсками дом достался покойному отцу Болена, проявившему мужество в битве, но скончавшемуся через два года после победоносного завершения кампании. Следом за отцом и мать отправилась в иные миры, в царство вечного и безмятежного покоя. Болен и его сестра-двойняшка Агнешка остались сиротами. Им недавно исполнилось по двадцать лет. Они стойко перенесли потерю родителей, поклявшись на их могиле никогда не расставаться.

Болен заметил бежавшую к нему со всех ног Брецлаву и на всякий случай подозвал пса.

– Благородный пан! Благородный пан! – Брецлава взволнованно кричала издали, размахивая одной рукой, а другой придерживая широченные юбки. Выходило у нее очень искренне, так, что молодой человек ничуть не усомнился в том, что произошло что-то из ряда вон плохое.

– Подходите ближе, пани. Не беспокойтесь. Он вас не тронет! – Болен взял Чака за загривок.

– Пан не откажет в милости?! Ведь не откажет, да? – Брецлава глубоко дышала, сдувая со лба прилипшие волосы.

– Говорите, в чем дело.

– А-а, дело в том, что пани Алисия упала в обморок.

– Тогда вам нужен врач. Я навряд ли чем-то смогу помочь.

– А-а, да-да, конечно, врач. Я за ним сбегаю. Но, понимаете ли... э-э. Пани Алисия упала прямо на ступеньках, и я не смогу одна занести ее в дом и уложить на кровать. Как же можно оставить ее на улице?

– И нет слуг?

– А-а, дело в том, что пани отправила служанку куда-то, и та вернется только к утру. Вот такие у нас неполадки, благородный пан.

– Хорошо. Я сейчас заведу Чака домой и помогу вам.

– Помогите, благородный пан. Не просить же незнакомых людей. Что ведь могут подумать. Да еще эти вечно пьяные солдаты!

– Все-все. Я понял. Ждите меня.

Болен скомандовал псу, и они побежали к порогу своего дома. Брецлава, закусив нижнюю губу, осталась стоять на месте, представляя себя богатой, успешной и влиятельной. Болен вернулся через минуту. Они помчались сквозь вязовый парк по причудливым теням деревьев, шурша листвой.

Разметавшуюся у самых ступенек Алисию было видно аж за пару десятков шагов: облако белых волос, почти такие же белые открывшиеся нижние юбки. Брецлава в этом смысле открыла у себя настоящие таланты большой художницы.

– Вот-вот, пан Болен!

– Я все вижу, Брецлава. Мы сейчас поможем ей.

Болен поднял на руки «больную» и по высоким ступенькам понес в дом. Брецлава дышала ему в спину. Войдя в комнату, молодой человек огляделся.

– Зажгите свет, Брецлава! Ни черта лысого не видно!

– Да-да, сейчас! – повозившись в углу, Брецлава зажгла светильник.

– Ну, вот и ладно! – Болен уложил Алисию на кровать. – Чего вы стоите?! Идите за врачом.

– А вы тогда тут покараульте. Не уходите!

– Даю слово.

– Давайте я ей пока умою лицо, – Брецлава обмакнула конец полотенца в тазик с водой.

– Да не тяни же время! – Болен нервничал.

– Все-все, уже бегу.

Девушка выскочила в коридор и плотно прикрыла за собой дверь.

Когда стук башмачков растворился в холодной ночи, пан подошел к окну и стал смотреть на летящую с веток листву, которую подхватывал целыми пригоршнями беспокойный ветер. Он думал об Анжеле Соколинской, племяннице главы города. Вот уже год, как Болен не мог думать ни о ком другом. Где бы он ни находился, перед мысленным взором всегда возникала любимая девушка. Иногда он начинал разговаривать с ней вслух, не замечая удивленных взглядов и снисходительных улыбок. Анжела тоже не представляла своей жизни без Болена. Назревала свадьба. Пан Соколинский дал добро и обещал поддержать молодоженов. Если бы не эта треклятая война!

– А-а-х!

Он обернулся на голос.

– Как вы себя чувствуете, пани?

– Где я? Что со мной? – Алисия прерывисто дышала, поднеся ко лбу бледную руку.

– Похоже, с вами случился обморок. Нужно благодарить Бога: при падении вы не получили увечий.

– Да-да.

– Я обещал вашей подруге побыть с вами, пока она сходит за врачом!

– Я вам очень-очень признательна.

– Может, вы чего-нибудь хотите?

– Если только немного разбавленного вина. Вон там, в кувшине. Подайте, пожалуйста. Не снизойдет ли пан отведать угощения? О-о, конечно, разбавленное только для таких некрепких девушек.

– Да, разбавленное вино немного взбодрит вас, – Болен налил вина и протянул Алисии. – Ну, вот и щеки порозовели.

– Только не бросайте меня. Я боюсь оставаться одна.

– Я обещал. Вам не стоит волноваться. Где, вы говорите, неразбавленное?

– Да-да, конечно! – Алисия захлопала в ладоши. – Вот бутылка возле окна. Почтая, правда. Но это я как раз и отливала в кувшин, чтобы разбавить.

– Ничего страшного. Стаканчик-другой и мне не помеха.

Густое красное вино с приветливыми пузырьками полилось из бутылки.

– Ну, ваше здоровье. Надеюсь, все у вас будет хорошо.

Он выпил маленькими глотками полный стакан и тут же налил еще. Второй Болен уже не осилил. Перед глазами все поплыло, закачались стены, заплясало единственное окно. Он попытался взяться за подоконник, но неведомая сила потянула его назад, рука ухватилась за край скатерти, на пол полетели кувшин, вазон с цветами и глиняные плошки.

Глава 6

Марций не шел, а бежал по тесным улочкам Рима, где располагались многоэтажные дома для плебса. Ему вдруг стало душно в родном городе с его крохотными жилищами-инсулами, из окон которых то и дело опрокидывались горшки с испражнениями; с его термами, где мылись все вместе, заражая друг друга тяжелейшими болезнями. Шутка ли – если у тебя нет раба, чтобы потереть спину, ты можешь потереться спиной о стену. Да-да. Соскобы от этих стен ловкие торговцы потом продают, чтобы топить ими дома. Только богатые римляне, да и то не все, могли позволить себе собственные дома и роскошные виллы. Остальные же задыхались в скотских условиях и едва доживали до сорока лет.

Человек может привыкнуть ко всему. Но иногда...

В доме Публия Спора случилась беда. Одна рабыня, не выдержав постоянных издевательств, задушила своего господина. Следствие по делу об убийстве Спора провели очень быстро и, можно сказать, ловко.

Чувство собственности, выросшее у римлян до уродливых размеров, побудило их разработать монументальный свод гражданских законов, который открывал широкое поле деятельности для преторов. Расследования находились в ведении многочисленных судов и мало кого волновали, кроме случаев, связанных с политикой. Простота дознания сочеталась с крючкотворством цивилистов. Здесь не было тюрем, где преступники отбывали бы свои сроки. В римских темницах злоумышленники только ожидали соответствующей преступлению казни.

Приговоренных к смерти граждан отправляли за пределы Священного города. Одних топили, сбрасывая с моста Сублиция за Тригеминскими воротами, других скидывали с Тарпейской скалы, третьим рубили головы топором в предместьях. Хуже всего обходились с рабами, применяя к несчастным самые чудовищные пытки и казни.

Не успел Марций приблизиться к древнему узилищу возле Капитолия, стены которого были сложены из мрачного альбанского камня, как боль грубо полоснула его по сердцу. Он увидел процессию приговоренных к смерти. Мальчишки бежали следом, хотя путь до места казни отлично знал весь город. Марций сам не раз прогуливал занятия в дни казни рабов. Более того, это было единственным отступлением от дисциплины, за которое не бранили педагоги, считавшие, как образованные люди своего времени, что подобные зрелища столь же необходимы для воспитания, как и бойни в амфитеатре.

Какой-то бродяга подтвердил Марцию, что это рабы Спора, и пойдут они через Субуру, и поднимутся к Эсквилинским воротам, где раскинулось поле – место казней. Марций не был христианином, но, карабкаясь за ужасной процессией на Эсквилин, он вдруг захотел помолиться.

– О Христос, – пробормотал он, – ты способен на все, даже заливать божественной водой ось человеческой свободы, облегчи страдания Геркулесу, и я поверю, что твой разум совершеннее моего!

Молодой человек хоть отчасти и разделял скепсис в отношении различных верований, но все же его давно тяготило то, что к древним богам нужно подходить только лишь с практической точки зрения. Например, если тебе необходимо что-то получить от жизни, то достаточно принести жертву тому или иному божеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.